

Раздел IV
СТАНОВЛЕНИЕ РЫНКА ТРУДА
И ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПОЛОЖЕНИЕ РАБОТНИКОВ.
ЗАРОДЫШИ УЛУЧШЕНИЙ В ПОТОКЕ УХУДШЕНИЙ

Очерк 8

***Занятость. Трудоустройство.
Движение рабочей силы***

**8.1. Перемены в сфере труда как начало
всеобщего изменения жизни
народного большинства**

Описание того, как конкретно изменились в 90-е гг. различные стороны положения народного большинства, начнется здесь с характеристики перемен в трудовой сфере человеческой жизнедеятельности. До некоторой степени выбор подобного начала делается произвольно, в зависимости от авторских интересов, пристрастий, наличия исходных данных и т. п. — в конце концов, круг рядоположенных описаний-анализов различных сторон положения народного большинства, пока и поскольку внутренние связи между этими сторонами не очень ясны, можно начинать с чего угодно. Однако именно пока и поскольку. А так как многое о таких взаимодействиях все-таки известно, произвольность авторских предпочтений при выборе исходной точки оказывается далеко не абсолютной. Помимо всего прочего, в пользу начала анализа конкретных перемен со сферы труда и, более того, в пользу рассмотрения трудовых перемен с особым вниманием и тщательностью говорит также ряд соображений, основанных на том, что можно считать твердо установленным относительно строения современного общества. Несмотря на справедливое недоверие к вульгарно-материалистическому упрощению детерминаторов образа жизни, все-таки будем помнить, что для большинства людей именно труд в общественно-организованном производстве составляет ныне основу жизнедеятельности. В современном российском обществе основная масса активного населения связана с производством и инфраструктурой индустриального типа. Уже сама жесткая регламентация труда в подобном производстве задает дневное

и недельное распределение времени, формируя тем самым общий ритм повседневной жизни и временное пространство остальных занятий. Вместе с тем для подавляющей части населения труд в общественно-организационном хозяйствовании является источником основных доходов и, следовательно, одним из главных факторов, определяющих потребление и благосостояние.

К тому же в современном обществе трудовая активность, условия труда, трудовые отношения имеют более единообразный и формализованный характер, нежели другие составляющие социально-экономического положения трудящихся — быт, досуг, семейное потребление. Соответственно групповая дифференциация основной массы рядовых работников проявляется в сфере труда меньше, чем в других сферах жизнедеятельности. Это значит, что разнонаправленность изменения разных условий труда и разных составляющих трудовых отношений у одних и тех же людей (которая как раз и составляет центр анализа в этой части книги), наоборот, выступает с особой ясностью.

При этом в сфере труда представлены все мыслимые виды сочетания «хороших» и «плохих» тенденций, порождаемых соединением благих последствий освобождения от пут госсocialизма и бедственных воздействий кризиса, возникающего в ходе такого освобождения, в момент разрушения старой системы и создания новой. В одних процессах, меняющих положение человека на производстве, отчетливо преобладают позитивные начала — так обстоит дело в трудовых отношениях, о чем подробно говорилось в очерке, посвященном профсоюзам и рабочему движению. В других сдвигах, например в изменении оплаты труда, перемены носят почти исключительно негативный характер, граничащий с деградацией. В третьих, скажем в процессах, связанных с трудоустройством, занятостью, трудовой мобильностью, элементы улучшений и ухудшений переплетены столь тесно, что их затруднительно отделить друг от друга.

В последнем случае, речь, пожалуй, идет не о «хороших» или «плохих» переменах, но, скорее, о едином сдвиге, оказывающем как хорошие, так и плохие воздействия. Тут противоречивость проникает в материю перемен так глубоко, что даже представление о соотношении позитивных и негативных процессов становится недостаточным. В данной связи уместнее говорить о различных последствиях одних и тех же тенденций. Эти тенденции нельзя четко отнести к хорошим или плохим. Полезнее указать на то, какие их последствия — позитивные или негативные — имеют кратковременный, а какие долговременный характер. Так, в изменении масштабов и структуры занятости одни и те же сдвиги в близкой перспективе больше ухудшают положение работников, в долговременной — улучшают. Наоборот, вызванное простым

упадком производства снижение производственного травматизма или экологически вредных воздействий сегодня имеет благие последствия. Однако завтра оно может обернуться длительным ухудшением санитарно-гигиенических условий труда и общей экологической ситуации хотя бы из-за того, что улучшения в этой области, если они возникают только из экономического спада, неизбежно снижают внимание к технике безопасности, подрывают экологическую дисциплину и ответственность.

Разумеется, выделение преимущественно «хороших», преимущественно «плохих» и переплетающихся, многозначных перемен в положении народного большинства имеет достаточно условный смысл. В конечном счете, жизненная обстановка всегда воздействует на человека как некоторое единство обстоятельств его жизни. Противоречивость этих обстоятельств также ощущается обычным человеком не как логически расчлененная система, а как живая и целостная данность. Но описывать их приходится последовательно. И вот тут выделение «хороших», «плохих» и смешанных, многозначных тенденций оказывается совершенно необходимым, ибо сами эти тенденции в неодинаковой мере присутствуют в различных процессах, протекающих в сфере труда.

Наличие «хороших» и «плохих» тенденций достаточно ясно выступает, если так можно выразиться, уже на подступах к труду. Нынешние перемены в трудовом положении большинства работников начинаются с процессов трудоустройства, с того, каким образом человек включается в трудовой процесс, насколько надежно (или ненадежно) рабочее место, как часто и на каких условиях приходится его менять, удастся ли при этом сохранять профессию и квалификацию. Кстати, именно здесь, «перед проходной», в действиях, предшествующих непосредственному трудовому процессу, «хорошие» или «плохие» перемены сливаются теснее, чем где-либо еще в сфере труда. Почти все сдвиги, происшедшие тут в 90-е гг., одновременно меняли положение большинства работников и к худшему, и к лучшему.

8.2. Сокращение занятости

8.2.1. Масштабы занятости в советской системе и в рыночной экономике

Противоречивым образом сказались на положении основной массы работников уже само изменение масштабов занятости, степень вовлечения населения в общественно-организованные формы труда. В 90-е гг. изменения этого рода имели в России совершенно иной характер, нежели в предшествующие десятилетия.

На протяжении всего периода после II мировой войны, вплоть до 80-х гг., вовлеченность населения тогдашней РСФСР в общественно-организованное производство практически непрерывно возрастала. К началу этого десятилетия доля занятых в составе наличного населения Российской Федерации поднялась больше, чем на четверть — с 40 % в 1940 г. до 53-54% в 1979-1980 гг.¹ Отчасти расширение занятости обуславливалось в то время балансом демографических сдвигов, в ходе которых увеличился удельный вес людей трудоспособного возраста — в 1939 г. их было во всем Советском Союзе около 54%, а в РСФСР — 52-53 %; в 1979 — примерно 58 % в СССР и свыше 60 % в Российской Федерации². Но еще большее значение имели социальные, экономические, культурные, идеологические процессы, заставлявшие все большую часть женщин отказываться от существования в качестве матерей семейств, не занятых в народном хозяйстве, и наоборот, привлекавшие их к непрерывной работе на заводах, фабриках, в учреждениях и т. п. В 70-80-е гг. в СССР и России работала и училась гораздо большая доля двадцати-пятидесятилетних женщин (включая матерей малолетних детей), нежели в других промышленно развитых странах — свыше 90 %³.

Занятость, таким образом, приобрела у нас всеобщий и даже обязательный характер. Напомним, что неучастие в общественно-организованном труде без т. н. «уважительных причин» считалось в государственной системе не частным делом человека, но уголовно-наказуемым преступлением — тунеядством. Правда, на протяжении 80-х гг. удельный вес работающих в населении Российской Федерации слегка понизился — с 53 до 51-52 % к исходу десятилетия. Но сдвиг этот полностью укладывается в пределы понижения доли людей трудоспособных возрастов с 58 % по всему Союзу и 60 % в РСФСР соответственно до 55-56 % и 57 % в 1990 г.⁴ Так что состояние всеобщей — доступной и вместе с тем обязательной — занятости сохранялось вплоть до конца государственно-социалистических порядков.

Однако в 90-е гг., после крушения этих порядков, стала складываться совершенно иная ситуация. Общий уровень занятости начал снижаться гораздо более быстрым темпом, чем это происходило в 80-е гг. Если с 1980 до 1989-1990 гг. доля занятых в составе всего населения уменьшилась, по данным государственной статистики, на 1-2 процентных пункта, то в 1989-1998 гг. — примерно на 8 процентных пунктов, до 43-44% (см. табл. 8.1). Среди населения трудоспособных возрастов процент работающих сократился еще больше: за 1992-1998 гг. на 12 процентных пунктов — с 86 до 74%. Хотя сведения, относящиеся к 90-м гг. не вполне сопоставимы с данными по предшествующим периодам, очевидно, что за неполное последнее десятилетие в России произошло изменение степени вовлеченности в общественно-организованную

трудоую деятельность, сопоставимое с переменами, охватившими сорок-пятьдесят предшествующих лет. Конечно, эти перемены приобрели совершенно иную направленность. Правда, формально в 90-е гг. продолжалось начавшееся раньше сокращение уровня занятости, но фактически изменились природа и содержание такого сокращения.

Численность трудоспособных возрастов и всего населения менялась в эти годы сравнительно мало. В 1989-1990 гг. в России жило 147-148 млн чел., в том числе 84 млн людей трудоспособных возрастов, в 1998-1999 гг. соответственно 146-147 млн и свыше 84-85 млн⁵. Но и эти небольшие перемены имели во многих отношениях отличную от прошлого направленность. Тенденции предшествующего десятилетия повторялись разве что в продолжении постарения населения. Однако увеличение доли послетрудовых, пенсионных возрастов сочеталось в 90-е гг. с сокращением удельного веса детей и подростков дотрудовых когорт. Что же касается демографических перемен, непосредственно влияющих на текущую занятость и экономическую активность, они как раз были совсем не такими, как прежде — население в целом сократилось, хотя и очень незначительно (в 80-е гг. оно росло); трудоспособные возрасты, наоборот, чуть увеличились (в 80-е гг. — сократились). Следовательно, в противоположность 80-м гг. демографические процессы

Таблица 8.1

Экономически активное, занятое и безработное население в составе постоянного населения России (по данным переписей и оценок Госкомстата)

Годы	Категории населения	Численность (млн чел.)*			
		всего постоянного населения	экономически активных	занятых	безработных
1979	все	137,4	нет данных	74,2	нет данных
	муж.	63,2	_//_	37,3	_//_
	жен.	74,2	_//_	36,9	_//_
1989	все	147,0	(78,0-79,0)**	76,9	(1,5-2,0)**
	муж.	68,7	нет данных	39,7	нет данных
	жен.	78,3	_//_	37,2	_//_
1992***	все	148,3	76,0	72,1	3,9
	муж.	69,6	39,1	37,1	2,0
	жен.	78,7	36,9	35,0	1,9
1998***	все	146,3	72,5	63,6	8,9
	муж.	68,6	38,3	33,5	4,8
	жен.	77,7	34,2	30,1	4,1
2000***	все	144,9	72,4	65,0	7,4

Продолжение таблицы 8.1

Годы	Категории населения	Доля в составе населения (%)*			
		всего постоянного населения	экономически активных	занятых	безработных
1979	все	100	нет данных	54,0	нет данных
	муж.	100	//	59,0	
	жен.	100	//	49,7	//
1989	все	100	(53,0-54,0)**	52,3	(1,0-1,5)**
	муж.	100	нет данных	57,8	нет данных
	жен.	100	//	47,5	//
1992***	все	100	51,2	48,6	2,6
	муж.	100	54,2	53,3	2,9
	жен.	100	46,9	44,5	2,4
1998***	все	100	49,6	43,5	6,1
	муж.	100	55,8	48,8	7,0
	жен.	100	44,0	38,7	5,3
2000***	все	100	49,9	44,8	5,1

* Данные за 1979 и 1989 гг. по переписям населения соответственно за 15 и 17 января соответствующего года; данные обо всем постоянном населении, всех мужчинах и женщинах за 1992 и 1998 гг. — на 1 января последующего года, что обеспечивает их сопоставимость с численностью безработных, которая, применительно к этим датам, приводится на конец года; предварительные данные за 2000 г. — на 1 декабря; сведения о занятости мужчин и женщин в 2000 г. к моменту завершения работы над книгой еще не были опубликованы.

** Ориентировочная оценка по расчетам численности категорий, более или менее сопоставимых с безработными.

*** Данные о численности экономически активного и занятого населения за 90-е годы приведены здесь с учетом занятости домашним производством товаров и услуг, предназначенных для реализации, т. е. с добавлением (по оценке) той части занятых, которые не учитывались выборочными обследованиями по проблемам занятости. Такая дооценка смягчает несопоставимость материалов переписей и выборочных обследований. Если использовать данные выборочных обследований без учета занятых домашним производством товаров и услуг, предназначенных для внесемейной реализации (как это делается во многих публикациях Госкомстата по итогам обследований занятости), получается, что в 1992 г. экономически активное население составляло 50,5% всего постоянного населения, занятые — 47,9%, безработные 2,6%; в 1998 г. — соответственно 45,6, 39,5, 6,1 %.

Источники: Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР. (По данным переписи 1989 г.). М., 1992. С. 33; Россия в цифрах. 1999. Краткий стат. сборник. М., 1999. С. 26, 79; Российский стат. ежегодник. 1999. М., 1999. С. 53, 107; Социально-экономическое положение России. 2000 год. М., 2001. С. 218-219; Горбачева Т.Л. Использование данных обследований по проблемам занятости // Вопросы статистики. 2000. №6. С. 20; Государственная и корпоративная политика занятости / Под ред. Т. Малевой. (Московский центр Карнеги). М., 1999. С. 155; Structural adjustment without mass unemployment. Lessons from Russia / Ed. by S. Clarke. Cheltenham. Northampton (USA), 1997. P.61.

не влияли решающим образом на уменьшение занятости в 90-е гг. Тот факт, что при практически неизменной и даже возросшей численности трудоспособных поколений занятость в российском народном хозяйстве сократилась в 1989-1998 гг. приблизительно на 12-13 млн чел. (с 76-77 млн до 63-64 млн), связан исключительно с воздействием социально-экономических факторов.

Глубинная суть дела здесь в том, что государственно-социалистическому строю свойственна более высокая, чем в других индустриально развитых странах, степень вовлеченности населения в общественно-организованное производство. Если в России в конце 80-х гг. в народном хозяйстве было занято свыше половины (52 %) населения, то в ведущих капиталистических странах занятость держалась тогда на заметно более низком уровне: 38-39 % в Италии и Франции, 44-45 % в Великобритании и ФРГ, 47-48 % в США, 50-51 % в Японии⁶.

Неодинаковость демографической структуры этих стран, при всей ее важности, все же не так велика, чтобы полностью или хотя бы главным образом объяснять подобные различия. Существеннее другие обстоятельства. Отчасти такое положение являлось следствием едва ли не единственного социального преимущества госсocialизма — почти полного отсутствия безработицы. Однако это несомненное благо в административно-командной системе сплеталось с принудительностью участия в государственно-организованном народном хозяйстве, равно как и с низкой производительностью труда, высокой трудоемкостью госсocialистического производства и т. п. В итоге занятость в советской России превышала не только аналогичные показатели капиталистических индустриально развитых стран, но превосходила и долю экономически активного населения почти в каждой из них. В конце 80-х гг. экономически активное население (т. е. совокупность работающих и безработных) охватывало 42-44 % всех жителей в Италии и Франции, 48-50 % в Великобритании, ФРГ, США. Только в Японии удельный вес экономически активного населения (51-52 %) был примерно таким же, что и в России (см. табл. 8.2). Но ведь и в советской России имелся определенный (пусть и небольшой) процент людей, чье положение было сходно с положением тех, кто в рыночных странах причислялся к безработным — бродяг, бомжей, пресловутых тунеядцев и других маргиналов. Так что экономическая активность населения (включая и работающих и маргиналов) к моменту ликвидации госсocialизма была у нас выше, нежели 52% (что соответствует одним только занятым). Она все-таки не равнялась японской, но превышала ее. Это и понятно, ибо практически поголовная работа матерей семейств и заинтересованность каждого субъекта административного хозяйства в резерве рабочей силы (чтобы иметь возможность как-то реагировать на зачастую несбалан-

Таблица 8.2

Экономически активное и занятое население в составе всего населения ведущих индустриально развитых стран и России (в %; данные на конец 80-х гг.)

Категории населения	Великобритания	Германия	Италия	США	Франция	Япония	Россия
	1988	1989	1990	1989-1990	1989-1990	1990	1989
Экономически активное население							
все	49,5	48,3	42,0	49,9	43,9	51,7	(53,0-54,0)*
муж.	58,4	60,4	54,3	56,1	51,6	62,4	
жен.	41,2	37,1	30,3	44,0	36,5	41,3	
Занятое население							
все	45,3	44,7	37,5	47,2	38,9	50,6	52,3
муж.	52,9	56,7	50,2	53,1	46,5	61,1	57,8
жен.	38,2	33,6	25,4	41,6	31,7	40,4	47,5

* Оценка. См. табл. 8.1.

Источники: Year Book of Labour Statistics. 1991. Geneve, 1992. P. 32-50, 375-381, а также данные табл. 8.1; Российский статистический ежегодник. 1998. С. 105, 173; Россия в цифрах. 1999. С. 26, 79.

сированные директивы) оборачивались вовлечением в экономическую активность большего дополнительного населения, нежели та его часть, которая в развитом рынке обычно приходится на долю безработных.

Естественно, с устранением госсocialизма в России, как и в других бывших соцстранах, начался отход от характерной для огосударствленного хозяйства избыточной занятости и постепенный дрейф к тем уровням и структурам экономической активности населения, которые присущи рыночно-капиталистическим экономикам. Изменение социально-политической системы прекратило действие административных и идеологических факторов «втягивания» населения в производство. Одновременное исчезновение директивного перераспределения ресурсов и постепенное утверждение рыночных отношений делают экономически все менее возможным поддержание прежней высокой занятости населения, независимо от текущего платежеспособного спроса на ту или иную продукцию и вне связи с хозяйственной эффективностью каждого предприятия. Таким образом, рыночные преобразования ведут к тому, что доступ к труду, приносящему доход, для народного большинства становится более сложным и более ограниченным, нежели он был в советском обществе. Масштабы занятости в новой ситуации тяготеют к показателям, обычным в других индустриальных странах, но давно уже переставших быть привычными, «нормативными» для нас.

8.2.2. Неоднозначные социальные следствия уменьшения численности работающих. Постепенный частичный сброс избыточной занятости и появление безработицы

Абстрактно говоря, подобное усложнение процесса вхождения в сферу труда и сокращение уровня занятости не всегда и не обязательно должно резко ухудшать фактическое положение народного большинства. Более того, вытекающая отсюда возможность повышения эффективности производства вообще и интенсивности труда, в частности, открывают перспективу социально-экономического роста, ведущего, в конце концов, к общему повышению уровня жизни. Однако, чтобы позитивные возможности сокращения завышенного уровня занятости, характерного для госсocialизма, были реализованы в полной мере, нужны определенные условия. В России к их числу, помимо прочих, относятся следующие.

Во-первых, вместе с сокращением занятости едва ли не в большинстве производств, ранее сформировавшихся в советском народном хозяйстве (в которых действительно существовала и все еще существует чрезмерная трудоемкость), должно происходить развертывание отсутствующих и недоразвитых элементов нашей экономики, инфраструктуры и обслуживания в первую голову. Иначе невозможно обеспечить сколько-нибудь серьезный подъем благосостояния. В этом смысле снижение уровня занятости, совместимое с одновременным повышением уровня жизни, предполагает компенсацию последствий сокращения работающих в одних отраслях и точках экономики увеличением их числа в других.

Во-вторых, уменьшение занятости без чрезмерного увеличения тягот может быть достигнуто лишь при условии, что оно сопровождается таким ростом заработков тех, кто продолжает трудиться, который в масштабах общества возмещает потери трудового дохода людей, вытесненных из сферы оплачиваемого труда. При этом условии возрастающий заработок одних членов семей мог бы заменить потерю других.

В современной России ни того, ни другого не произошло и не могло произойти. В 90-е гг. сокращение занятости определялось у нас не столько медленным колебательным процессом установления рыночного равновесия и соответствующим перераспределением общественно-необходимых затрат труда, сколько стремительным нарастанием переходного кризиса. Свертывание наполовину (если не больше) традиционных для советской экономической системы отраслей при несравнимо меньшем развитии новых секторов производства и инфраструктуры, катастрофическое ослабление государства, падение собираемости налогов, постоянный дефицит государственного бюджета — вот от чего (а не от долговременного изменения макроэкономических пропорций)

зависят сейчас конкретные темпы и масштабы уменьшения занятости в России. Именно поэтому сжатие занятости, хоть оно и было у нас менее резким, чем во многих других уходящих от госсотциализма странах, все же превышало в 90-е гг. возможности общества легко возместить потери миллионов людей, выключенных из сферы общественно-организованного труда. Поэтому двенадцатимиллионный сброс числа работающих вылился в своих сегодняшних российских проявлениях по преимуществу, пусть и не исключительно, в ухудшение народной жизни (правда, в этом пункте — но только в этом пункте! — меньше, нежели в Центральной и Восточной Европе).

В обобщенной форме преобладание негативных последствий уменьшения вовлеченности населения в сферу оплачиваемого труда проявляется в том, что оно никак не совпадало с уменьшением необходимости иметь оплачиваемую работу, поскольку такая необходимость ощущалась самими вытесняемыми работниками. Напротив, очень многие из тех, кто силой экономических обстоятельств был лишен рабочих мест, стремятся вернуться в общественно-организованное производство и страдают от того, что не могут это сделать. Другими словами, сокращение занятости в переходном российском обществе означает не только начало сдвига к рациональным пропорциям вовлечения населения в народное хозяйство, но и возрождение в нашей стране такого социального бедствия, как безработица.

Уменьшение масштабов занятости не единственная причина безработицы. Тут сказываются и многие другие процессы, которые будут специально рассматриваться дальше, после описания некоторых иных сторон трудоустройства и трудовой мобильности, также влияющих на ее возникновение и на положение безработных. Но и простейшие суммарные цифры безработицы, о которых можно говорить до ее более детальной характеристики, достаточны для того, чтобы определить, какие явления — позитивные, нейтральные или негативные — играют сейчас главную роль в ряду прямых последствий сброса занятости в России. Ведь в состав безработных, согласно преобладающим современным толкованиям (прежде всего, толкованиям Международной организации труда), входят люди, не имеющие оплачиваемой работы, желающие найти ее и готовые немедленно приступить к трудовой деятельности. Соотношение численности таких людей с общим уменьшением трудоемкости как раз и показывает, в какой мере это уменьшение отражает устранение излишней занятости, дающее возможность высвобождаемым работникам относительно безболезненно найти другие средства существования (пенсии, растущие доходы основных кормильцев и т. п.), и в какой оно лишает трудящихся необходимых заработков, ухудшая их положение.

В данной связи важнее всего, что масштабы безработицы вполне сравнимы с масштабами сжатия занятости. На протяжении 90-х гг.

(1989-2000 гг.) параллельно с сокращением числа работающих на 12-13 млн чел. в стране появилось 7-9 млн безработных в вышеописанном понимании, т. е. людей, не имеющих работы, но желающих и готовых начать работать немедленно. Конечно, подобное сопоставление достаточно условно. Численность работников, затронутых сокращением занятости, больше уменьшения итогового числа работающих, ибо часть ее погашается естественной сменой поколений, притоком молодежи, выходом на пенсию. К тому же, некоторая часть людей, числящихся у нас безработными, на деле имеют неформальную, незарегистрированную, но оплачиваемую работу⁷. Согласимся, что временных и случайных работников трудно безоговорочно отнести к занятым; вернее считать, что они примыкают к ним. Но, так или иначе, их присутствие, так же как и неполное отражение масштабов выталкивания работников из производства, означает, что действительный разрыв между формальными показателями снижения занятости и численностью безработных больше, чем следует из упомянутых цифр. Вместе с тем в противоположном направлении действует тот факт, что измерение безработицы среднегодовыми показателями, приведенными выше, существенно уменьшает число людей, на то или иное время лишившихся работы. Так что, не претендуя на строгую точность, можно все же утверждать, что сокращение суммарной занятости в 90-е гг. (как следует из сравнения сжатия занятости на 12-13 млн чел. с ростом безработицы до 8-9 млн) больше, чем на 70-75%, было результатом выталкивания из производства людей, объективно нуждающихся в работе и субъективно желающих продолжать трудиться?

Понятно, что резкое уменьшение занятости по преимуществу за счет тех, кому нужно и кто хочет работать, сопряжено и с социально-психологическими трудностями, и с ухудшением реальных материально-экономических условий жизни вследствие уменьшения совокупных трудовых доходов. В этом смысле сокращение общих масштабов занятости в 90-е гг. оказывало в основном ухудшающее воздействие на положение народного большинства.

8.2.3. Возможности избавления от двойного бремени женского труда

Однако в некоторых других отношениях — и тут снова выявляется противоречивость социальных итогов наших нынешних преобразований — сжатие занятости создает предпосылки улучшения жизненной обстановки миллионов семей. Позитивный смысл этого процесса очевиден только в перспективе. Как уже говорилось, он обеспечивает переход от показателей занятости, свойственных госсocialистической экономике с характерным для нее преобладанием экстенсивного развития, дешевого труда, неглубокой специализации — к уровню занято-

сти, типичному для интенсивного рыночного производства. Подобный переход, если он произойдет, откроет путь к росту общественного богатства, повышению стоимости рабочей силы, а значит, к улучшению оплаты труда.

Но это, так сказать, завтрашний или даже послезавтрашний позитивный потенциал сегодняшнего уменьшения занятости. Между тем уже сейчас, наряду с лишением очень многих трудящихся средств существования и вытеснением их в безработицу, уменьшение доли работающих уничтожает фактическое принуждение других людей к обязательному участию в общественно-организованных формах труда. В первую очередь этим расширением свободы труда воспользовалась некоторая часть семейных женщин, особенно матерей малолетних детей. Экономическая ситуация, скорее всего, позволила оставить работу далеко не всем женщинам, которые хотели бы это сделать. Но из динамики занятости и безработицы ясно видно, что число женщин, переставших трудиться в общественно-организованных формах и не ставших при этом безработными, т.е. женщин, считающих, что в данный момент и в данных житейских обстоятельствах им лучше заниматься семьей и детьми, — это число измеряется миллионами.

В 1989-1998 гг. мужская занятость сократилась с 39-40 млн чел. до 33-34 млн, а число безработных мужчин приблизилось к 5 млн чел. Сверх того, похоже, что значительная доля той части мужского населения, которая в итоге перемещений 90-х гг. перестала числиться среди занятых и в то же время не вошла в число безработных, на деле «ушла в тень», стала основным ядром теневой занятости. Во всяком случае, по материалам различных опросов, мужчины брались за дополнительные заработки в 1,5-2 раза чаще, чем женщины⁸. Так что в целом масштабы экономической активности мужчин изменились не слишком значительно. Между тем, занятость женщин в это время сократилась сильнее — с 37 млн чел. до 30 млн. Однако число безработных среди них составило в 1997 г. заметно меньшую величину, нежели у мужчин — чуть больше 4 млн чел. Та же разница видна и если взять более надежные данные специальных обследований занятости и безработицы, проводимых по методике МОТ, хоть они и относятся к более короткому периоду 1992-1998 гг. За это время число занятых мужчин сократилось на 3,6 млн чел., а число безработных мужчин увеличилось на 2,8 млн; у женщин же сокращение занятости достигло почти 5 млн, тогда как численность безработных возросла на 2,2 млн (см. табл. 8.1). Несомненно, очень многие из женщин, покинувших производство и не ставших безработными, просто перешли на пенсию. Но ведь пенсионерами одновременно становились и мужчины. Такую разницу между сокращением занятости и ростом безработицы у мужчин и женщин нельзя объяснить иначе, чем отказом (как только исчезло

принуждение) миллионов матерей сохранять двойное бремя общественно-организованной занятости и семейно-материнских ролей.

Подобное истолкование прямо подтверждает статистика экономической активности и неактивности в непенсионных и неучебных возрастных категориях. Согласно переписи 1989 г., в советском обществе работало 90-95 % двадцатипяти-пятидесятилетних женщин и свыше 80% женщин предпенсионного возраста (50-54 года). В собственно России трудилась еще большая доля женщин. Всего через 10 лет удельный вес более широкой категории — экономически активных женщин (работающих и безработных) составил в этих же возрастных когортах заметно меньшую величину — соответственно около 80 % и 75 %⁹. Как видно, сейчас до 20 % женщин непенсионного и неучебного возраста — едва ли не вдвое больше, чем в 80-е гг. — предпочитают заниматься семьей, не стремясь включиться в общественно-организованную трудовую активность. Подчеркнем, что речь идет именно и только о собственных предпочтениях женщин; те, кто вынуждены сидеть дома, не имея возможности найти для себя подходящее рабочее место, относятся к безработным.

Разумеется, социальные последствия снижения экономической активности женщин имеют в современных развитых обществах очень сложный и неоднозначный характер. Социальный прогресс, как он развивался в XX веке, был, если иметь в виду мировую тенденцию, связан с вовлечением женщин в общественное хозяйство, а не с выходом из него. Однако в России 70-80-х гг. постоянная включенность женщин в производство достигла чрезмерного уровня. Невозможность хотя бы на несколько лет оставить работу ради детей для многих матерей оказывалась тяготой, стеснением свободы и сужением простора жизнетворчества. Причем дело здесь не только в недостаточном богатстве бытового обслуживания в советском обществе и его еще большем ухудшении в 90-е гг. Ведь экономическая активность двадцати-пятидесятилетних женщин в развитых индустриальных странах с лучшим обслуживанием никак не выше, напротив, ниже, чем в нынешней России (см. табл. 8.3). В этой связи логично предположить, что число российских женщин, посвящающих часть своей жизни исключительно семье и детям, будет возрастать и дальше. Лишь в более отдаленной перспективе, возможно, возобновится рост женской экономической активности. Не исключено, впрочем, что преобразования всего типа экономики в XXI веке, связанные с компьютеризацией и автоматизацией, поведут к массовому развитию индивидуально-домашних форм общественно-организованного труда и снимут само противопоставление работы дома и на производстве.

Но, как бы ни пошли дела в будущем, сегодня те следствия сокращения занятости, которые выливаются в преодоление всеобщей

Таблица 8.3

Экономически активное население ведущих индустриально развитых стран
в составе различных возрастных когорт (в % ко всему населению данной
возрастно-половой группы)

	Великобри- тания	Германия	Италия	США	Франция	Япония	Россия	
	1988	1989	1989	1989	1990	1989	1992	1998
Все население								
20-24	79,0	76,9	75,8	65,2	73,4	78,9	79,9	68,1
25-29	80,4*	78,4	81,5	85,2	79,0	92,2	90,2	83,4
30-34		79,8	82,3	84,1	74,8	82,3		85,9
35-39	84,8**	81,0	83,4	84,0	80,2	83,4	93,6****	88,4
40-44		81,6	84,4	83,7	83,6	84,4		88,5
45-49	80,7***	79,7	82,7	80,8	84,3	82,7		86,8
50-54		73,9	76,7	74,7	80,7	76,7	85,0	78,8
Женщины								
20-24	71,5	74,1	72,0	60,3	75,1	77,2	74,4	61,6
25-29	66,8*	69,3	73,4	77,7	61,4	88,2	85,4	75,6
30-34		62,9	72,7	72,5	51,7	92,0		80,6
35-39	74,6**	64,4	74,7	71,8	62,6	94,1	91,6****	85,5
40-44		64,8	76,8	70,7	69,6	94,5		87,5
45-49	70,1***	61,8	74,3	66,0	71,7	92,4		85,8
50-54		54,4	65,8	59,0	65,5	81,8	81,0	75,1

- * В группе 25-34-летних.
- ** В группе 35-44-летних.
- *** В группе 45-54-летних.
- **** В группе 30-49-летних.

Источники: Труд и занятость в России. 1996. С. 8; Статистический бюллетень Госкомстата. 1999. № 3. С. 30; Year Book of Labour Statistics. 1991. P. 32-50.

обязательности женского труда, оказывают на положение народного большинства скорее хорошее, чем плохое воздействие. Так что хотя негативные результаты уменьшения масштабов общественно-организованного труда (в том числе и для женщин) пока что перевешивают позитивные моменты, но не исключают их полностью, не сводят на нет совершенно.

8.3. Сдвиги в профессионально-отраслевой структуре труда

На положение народного большинства, в первую очередь на положение наемных работников, влияют не только те стороны трудоустройства, которые определяются масштабом занятости и доступом рядового человека к регулярноному, оплачиваемому труду. Первостепенное значение имеет также профессионально-отраслевая структура занятости,

строение «совокупного работника» и, соответственно, состав рабочих мест в народном хозяйстве, доступных для основной массы трудоспособного населения. Тем более, что отраслевая структура занятости меняется в ходе постсоциалистических преобразований не менее (пожалуй, даже более) существенно, чем ее общий масштаб, и оказывает на труд и другие жизненные обстоятельства столь же противоречивое воздействие.

8.3.1. Долговременные тенденции расширения инфраструктуры и сферы обслуживания

Постиндустриальная (научно-индустриальная) трансформация везде сопряжена с ростом информационной, научной, социально-культурной занятости. Одновременно движение к рынку, с которым в России переплетается научно-индустриальный переход (или которое предшествует такому переходу), требует значительного расширения торговой, транспортной, финансово-правовой инфраструктуры народного хозяйства. В совокупности оба процесса должны повести к изменению трудовой деятельности, профессий, отраслевой принадлежности огромного числа трудящихся. В зависимости от многообразных обстоятельств перемены в отраслевом, профессиональном, квалификационном составе работников могут занимать более или менее продолжительные отрезки времени. Но в любом случае это будут масштабные изменения, затрагивающие судьбы миллионов людей.

Существо постиндустриальных и рыночных сдвигов в строении совокупного работника предполагает относительное и абсолютное уменьшение занятости в отраслях, производящих, по преимуществу, материально-вещную продукцию, равно как и рост доли работающих в отраслях информационного, научного, финансово-торгового, социально-культурного обслуживания и в управлении. Иными словами, сокращается удельный вес работающих в первичном, сельскохозяйственно-сырьевом и вторичном, обрабатывающем секторах экономики, а увеличивается — в третичном секторе, обеспечивающем инфраструктуру общества в самом широком смысле слова, его (общества) информационное, социальное, культурное обслуживание и управление. (Для простоты мы будем здесь условно — хотя и не совсем точно — относить к первичному сектору сельское и лесное хозяйства; ко вторичному — промышленность, строительство, транспорт, связь; к третичному — все прочие отрасли, как они выделяются российской госстатистикой.)

В обстановке здорового развития подобные перетоки рабочей силы способствуют повышению социально-экономической эффективности во всех секторах — и в тех, где занятость растет, и там, где она падает. Судя по опыту крупных, наиболее развитых стран, экономике, приближающейся к научно-индустриальному уровню, соответствует

сейчас структура занятости, в которой, считая округленно, на долю первичного сектора приходится менее 1/10 работников, вторичного — 1/3, третичного — от 3/5 до 2/3. Соотношение продолжает и дальше меняться в пользу третичного сектора.

В том же направлении развивается, начиная с 60-70-х гг., структура занятости в России. Правда, теперешнее распределение работающего населения у нас — 1/7 в первичном секторе, 2/5 во вторичном, менее 1/2 в третичном — все еще очень заметно отличается от западных пропорций. Однако направленность перемен за последние 20-30 лет, в течение которых доля трудящихся, сосредоточенных в первичном секторе, уменьшилась в России с 15-20 до 10-15 %, во вторичном — с 50 до 40 %, а в третичном выросла с 30 почти до 50 %¹⁰, не оставляет сомнений, что тенденции, определяющие динамику занятости, и у нас имеют — и при том уже достаточно давно — в общем, такой же характер, как и во всем мире (см. табл. 8.4). Процесс глобализации проявляется здесь столь же явно, как и в интенсификации общения или в общем сближении строя жизни.

Вместе с тем, сдвиги в структуре занятости, происшедшие в 90-е гг., изменение ее масштабов не были простым продолжением процессов, начавшихся в предшествующие десятилетия. Неодинаковость того, что происходило в 70-80-е гг., с одной стороны, и в 90-е — с другой, существенна и в экономическом, и еще больше в социальном смысле — с точки зрения воздействия на положение народного большинства. Особенно важны следующие отличия.

До последнего десятилетия изменения структуры занятости в России протекали в ходе экономического роста — пусть и замедляющегося, непрочного, стагнирующего, экстенсивного. Вместе с тем, это был рост, осуществлявшийся в рамках системы, искусственно сдерживавшей выталкивание избыточной рабочей силы из бесперспективных сфер экономики. В подобных обстоятельствах переход работников с одних предприятий на другие в большинстве случаев не был вынужденным — по крайней мере, на уровне личностного, непосредственного восприятия. Обычно такие переходы случались тогда, когда работник находил на новом рабочем месте нечто более привлекательное, чем на старом; другими словами, непосредственные мотивы смены рабочих мест определялись в 70-80-е гг. скорее «факторами притяжения», нежели «факторами выталкивания». Соответственно в большинстве случаев трудовые переходы случались там и тогда, где и когда они не противоречили желаниям человека.

Конечно, и в те годы наблюдались не только восходящие, но и нисходящие потоки перемещений. Но, во-первых, в обстановке стагнации и тем более в рамках экстенсивного расширения экономики, не допускающем массовых увольнений, восходящая или хотя бы не нисходящая

Таблица 8.4

Распределение занятого населения по основным отраслям и секторам народного хозяйства в России и других странах (в % ко всему занятому населению)

Страны	Годы	Доля занятых в		
		первичном секторе	вторичном секторе	третичном секторе
Россия	1970	20	51	29
	1980	15	52	33
	1990	13	50	37
	1999	14	38	48
Великобритания	1980	3	44	53
	1990	2	35	63
	1994	2	32	66
Германия	1980	5	49	46
	1990	3	45	52
	1993	3	42	55
Италия	1980	14	44	42
	1990	9	38	53
	1994	7	38	55
США	1980	4	36	60
	1990	3	32	65
	1994	3	30	67
Франция	1980	9	42	49
	1990	6	37	57
	1994	5	33	62
Япония	1980	10	41	49
	1990	7	40	53
	1994	6	40	54

Источники: Россия в цифрах. 1999. С. 82; СССР и зарубежные страны. 1990. С. 39; Россия и страны мира. 1996. С. 33-36; Российский стат. ежегодник. 2000. С. 112.

смена рабочих мест преобладала над нисходящей. Во-вторых, явно нисходящая трудовая мобильность отдельных людей, если отвлечься от карьерных перипетий на верхах общества, вызывалась преимущественно обстоятельствами, лежащими, так сказать, вне труда — старостью, болезнями, семейными проблемами. Обусловленное ими изменение трудовых занятий воспринималось не столько как самостоятельное, первичное ухудшение жизни, сколько в качестве проявления и следствия иных бедствий.

Одновременно слабость факторов выталкивания и преобладание добровольных перемещений вели к тому, что основные смены трудовых мест происходили по преимуществу без изменения профессий. Тем

более, что общая замедленность развития ограничивала потребность в подобных изменениях. Качественные сдвиги в профессиональном составе общества совершались в основном (если совершались) вместе с включением в народное хозяйство новых поколений, в ходе профессионального утверждения молодежи в начале трудовой жизни. Тут, конечно, возникали серьезнейшие социально-психологические напряжения и разочарования, обусловленные тем, что иерархия молодежных предпочтений в мире профессий никак не соответствовала распределению рабочих мест в реальной действительности. Исследования В. Н. Шубкина и Д. Л. Константиновского показывают это совершенно ясно¹¹. В таком опосредованном смысле, в смысле невозможности получить образование и профессию, соответствующую первичным желаниям, эволюция структуры занятости изначально была связана с определенным ростом неудовлетворенности и недовольства. Но рост этот был все-таки ограничен и уж никак не перевешивал «массу удовлетворения», возникавшего в обществе вследствие возможности выбирать профессию из их расширяющегося набора. К тому же народное большинство (во всяком случае, в России и СССР 60-80-х гг.) в своей подавляющей части быстро привыкало к профессии или профессиям, к которым их приводила жизнь, и, забыв о молодых разочарованиях (если они были), в течение основного периода трудовой деятельности не испытывало острой неудовлетворенности родом своей работы. Так что, в общем и целом, изменение структуры занятости в части, связанной с выбором или сменой профессий и рабочих мест, сравнительно редко сопровождалось в 60-80-е гг. ухудшением жизни работников, которые непосредственно покидали сокращавшиеся отрасли экономики и пополняли растущие.

Иное дело объективное воздействие сдвигов в структуре занятости на положение народного большинства в целом, да и на весь ход общественного развития. В советском обществе 60-80-х гг. преобладание добровольных перемещений, отвечающих желаниям человека и обычно не вынуждающих менять профессию, если работник того не хочет, обуславливалось отнюдь не совершенством социальной системы. Скорее тут выступали ее слабости. Малый размах нежеланных перемещений явился в то время следствием (а отчасти и предпосылкой) вязкой замедленности социально-экономических перемен. В позднем госсocialистическом обществе, не сумевшем обеспечить переход к научно-индустриальному производству, фундаментальные пропорции экономики и занятости менялись чрезвычайно вяло и медленно (во всяком случае, много медленнее, чем на Западе — см. табл. 8.4), в том числе и из-за отсутствия «факторов выталкивания». Но как раз медленность перемен позволяла осуществлять их без больших субъективных тягот

при вступлении в трудовую жизнь и на основе преимущественно желанных профессиональных изменений в течение трудовой жизни.

Понятно, что, будучи благоприятным на индивидуальном уровне, подобный характер изменения структуры занятости ухудшал положение народного большинства в общесоциетальном масштабе. Ухудшал прежде всего потому, что при сохранении прежних пропорций замедлялся или полностью прекращался рост производства, а значит и рост «пирога общественных благ». Потому, далее, что при медленном развитии структуры занятости консервировалась непотребительская (даже антипотребительская) ориентация советского производства, в котором выпуск продукции, предназначенной для удовлетворения непосредственных потребностей человека, имел второстепенное значение и всегда приносился в жертву выпуску продукции военного или инвестиционного назначения. Наконец, потому, что отсутствие сдвигов в пропорциях занятости блокировало складывание широкой системы обслуживания, поддерживало вечные очереди, нехватку мест развлечения, ресторанов, гостиниц, рекреационных возможностей вообще, консервировало плохое коммунальное хозяйство и т.д. Кстати, эта сторона ухудшающего воздействия медленных сдвигов в структуре занятости, в отличие от общего замедления прогресса, даже в 70-80-е гг. более или менее отчетливо понималась на уровне массового сознания.

8.3.2. Переходный кризис и ускорение перетока рабочей силы в отрасли обслуживания. Роль факторов выталкивания и факторов притяжения

Преобразования 90-х гг. заметно изменили течение перемен в профессионально-отраслевой структуре занятости и их воздействие на положение народного большинства. Естественно, самая направленность сдвигов в распределении общественного труда по отраслям и секторам осталась прежней — продолжилось расширение доли работающих в сфере обслуживания (третичном секторе) за счет сокращения занятости в материальном производстве (первичном и, главным образом, вторичном секторах). Однако размах, темпы, социальные последствия: этих сдвигов приобрели в 90-е гг. существенно иной характер сравнительно с тем, что происходило в позднесоветскую эпоху.

Прежде всего, процесс перемен в распределении занятости по основным отраслям и секторам народного хозяйства явно ускорился сравнительно с 70-80-ми гг. Материалы сплошного, и потому сравнительно более надежного, государственного учета работающих показывают, что за 7-8 лет после ускорения процессов разрушения госсocialизма в начале 90-х гг. соотношение работающих в сельском и лесном хозяйстве, промышленных и полупромышленных отраслях, с одной стороны, и в обслуживании, социальной инфраструктуре, управлении и т. п. —

с другой, сдвинулось сильнее, чем за 20 предшествующих лет. В самом грубом виде об этом говорит тот факт, что суммарные пропорции занятости в первичном, вторичном, третичном секторах экономики изменились в 1970-1990 гг. на 16 процентных пунктов, а в 1990-1998 гг. — на 22 пункта (см. рис. 8.1).

В расчете на год сумма различий в относительном распределении занятости по трем секторам составляла в 1970-1990 гг. около 0,8 процентного пункта, а в 1990-1998 гг. — около 3 процентных пунктов. Иначе говоря, темпы изменения главных пропорций занятости выросли за 90-е гг. в 3-4 раза сравнительно с временами стабильного госсотциализма. В итоге отраслевая макроструктура российской занятости к концу 90-х гг. если и не сравнилась с западной, то все же стала, так сказать, сопоставимой с ней, приблизившись к секторальным параметрам, которые были характерны для Западной Европы в 80-е гг. Разрыв в этом отношении измеряется теперь все-таки не многими десятилетиями, а годами.

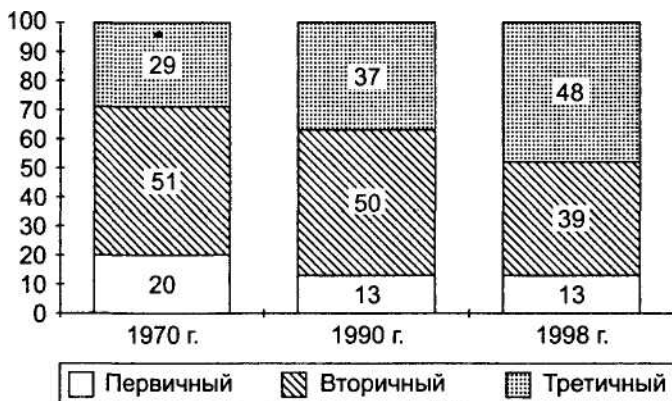

Рис. 8.1. Изменение распределения занятого населения России по основным секторам народного хозяйства (в % ко всему занятому населению в данном году).

Источники: Российский статистический ежегодник 1999. С. 114; Россия в цифрах. 1999. С. 82.

Разумеется, ускорение и итоги перемен в структуре занятости не стоит преувеличивать. Расширение доли обслуживания в составе занятого населения происходит у нас быстрее, чем раньше, но медленнее, чем во многих других постсоциалистических странах. Кроме того, изменения, будучи довольно заметными в отношении секторальных макропропорций (первичный, вторичный, третичный сектора), меньше

затрагивают соотношения внутри основных сфер занятости. Особенно слабо идет перелив рабочей силы от менее эффективных к более эффективным предприятиям той или иной отрасли¹². Тем не менее, общее ускорение динамики сдвигов в отраслевой структуре занятости не подлежит сомнению.

При прочих равных ускорение перемен в распределении труда по отраслям и секторам, сближение его пропорций с соотношениями, нормальными для зрелых индустриальных и становящихся постиндустриальными обществ имеет, несомненно, позитивный смысл. Беда, однако, в том, что, помимо ускорения, характер развития структуры занятости изменился и во многих других отношениях, что и не позволяет считать сдвиги этого рода на протяжении 90-х гг., включая ускоренное движение к нормальным параметрам занятости, безусловно и однозначно позитивными. Прежние перемены в структуре занятости, будучи гораздо более медленными, нежели нынешние, происходили, тем не менее, на основе некоторого (пусть замедляющегося) роста экономики или хотя бы ее стагнации. В противоположность прошлому, современные изменения пропорций занятости развертываются в обстановке (и во многом по причине) громадного экономического спада, прямого разрушения ряда отраслей и участков народного хозяйства. Напомним уже приводившиеся слова из записок Б. Ельцина о сломе старой советской промышленности «через колено», «с каким-то ржавым скрежетом, когда с мясом вырываются куски отработавших деталей и механизмов»¹³.

Резкий и разрушительный характер спада еще больше обострил проблему избыточной трудоемкости, и раньше очень свойственной советскому производству. Между тем в рыночных или полурыночных условиях стало много труднее сохранять на действующих предприятиях даже ту долю не слишком нужных работников, которых было привычно держать в неконкурентной экономике госсocialизма (не говоря уже о возрастании удельного веса излишней рабочей силы). А ведь разрушительный характер кризиса ведет к тому, что немалое число прежних предприятий, цехов, участков прекращает свою деятельность. В итоге совокупность «факторов выталкивания», в прошлом слабо влиявших на перемену рабочих мест, занятий, профессий, стала воздействовать на изменение пропорций занятости с не меньшей (если не с большей) силой, чем «факторы притяжения».

Даже прямые и открытые формы «выталкивания» — массовые сокращения, не получившие у нас (о чем будет речь ниже) особенно широкого распространения — все-таки стали в 1993-1998 гг. причиной выбытия 6-9 % всей массы работников, покидавших свои рабочие места в течение того или иного года. В промышленности их доля в отдельные годы достигала 11-12% выбывших¹⁴. К тому же, среди

ушедших по собственному желанию (а это 65-68 % всех выбывших по народному хозяйству и 54-56 % в промышленности) очень большую часть также составляют люди, которых заставили сделать это косвенные «факторы выталкивания» — низкие и нерегулярные заработки, угроза закрытия предприятий и массовых сокращений в будущем, просто давление администрации. По данным специального всероссийского обследования, среди работников, сменивших в 90-е гг. профессию, около половины (47 %) пошли на это потому, что их прежние занятия плохо оплачивались, не давали возможности достаточно зарабатывать, не позволяли найти новую работу, перестали быть нужными¹⁵.

Буквальное соотнесение этих цифр с данными обо всех выбывших по собственному желанию и в ходе массовых сокращений вряд ли правомерно. Не стоит безоговорочно сопоставлять материалы выборочных обследований с итогами сплошной отчетности, тем более, что работники, уходящие по собственному желанию, совсем не обязательно меняют род занятий. Но общий вывод о сопоставимой роли «факторов выталкивания» и «факторов притягивания» в нынешних изменениях структуры занятости, иллюстрируемый сведениями о причинах смены профессий, взятых в совокупности с показателями сокращений, вполне убедителен. По крайней мере, достаточно убедителен, чтобы утверждать, что преобладание добровольных, желанных изменений рода занятий, типичное для 70-80-х гг., стало в 90-е гг. невозможным (что, разумеется, не значит, что желанные перемены труда совершенно исчезли).

8.3.3. Воздействие нынешнего роста обслуживания на положение народного большинства

Наряду с ускорением сдвигов в отраслевой структуре занятости и усилением начал вынужденности в них, кризисный спад отчасти меняет значение перемен в распределении труда. То есть общее расширение доли работающих в инфраструктуре, обслуживании, информации имеет прогрессивный смысл и в рамках переходного кризиса; этот процесс по-прежнему отвечает принципиальным нуждам экономической и социальной эволюции. Однако перераспределение труда в пользу увеличения занятости в третичном секторе за счет снижения удельного веса первичного и вторичного секторов имеет всесторонне прогрессивный, так сказать, совершенно здоровый характер, только если такое снижение происходит вследствие отмирания стареющих, уходящих в прошлое элементов производства при нарастании развитых форм обслуживания и инфраструктуры.

К сожалению, разрушительное падение производства в сочетании с катастрофическим ослаблением государства, потерявшим старые рычаги директивного управления и не овладевшего новыми, рыночными механизмами управления хозяйством, придает изменению секто-

ральных пропорций занятости противоречивое содержание. В России 90-х гг. сокращение промышленной занятости становится результатом не только выталкивания из производства действительно избыточной рабочей силы, повышения производительности и интенсивности труда, закрытия отсталых и ненужных производств. Наряду со всеми этими процессами, нынешнее высвобождение работников происходит вследствие упадка и неприспособленности к рынку технически вполне развитых предприятий. Разрушение ВПК, неизбежное и в определенной мере полезное, очень часто вынуждает к перемене рода занятий множество высококвалифицированных работников. Да и расширение занятости в инфраструктуре и обслуживании далеко не всегда соединяется с ростом передовых их форм. Внутри того же третичного сектора параллельно с компьютеризацией труда в финансах, кредите, торговле, управлении снижается занятость в науке и научном обслуживании, падает оснащенность исследований и опытно-конструкторских разработок. Соответственно прогрессивный в целом переток работников в третичный сектор, ведущий к формированию макропропорций занятости, необходимых для постиндустриальной экономики, сочетается в ходе экономического и социально-политического кризиса с перетоками, разрушающими не отсталые, но зачастую наиболее развитые узлы индустриальной, а подчас и научно-индустриальной занятости.

Как видно, ускорение реструктуризации занятости в обстановке разрушительного переходного кризиса и чрезвычайного ослабления государственности придает ей глубокую противоречивость. Естественно, что и на положении народного большинства изменение пропорций занятости сказывается крайне противоречивым, разнонаправленным образом. Причем сдвиги в структуре занятости, негативно и позитивно воздействующие на положение работников, не то что переплетены — они прямо сливаются друг с другом. Негативные и позитивные последствия здесь — не результат «плохих» и «хороших» тенденций, но проявление одних и тех же «плохо-хороших» перемен.

Сплавленность «плохих» и «хороших» воздействий ощущается повсюду, где изменение пропорций занятости может влиять на труд и быт народа. И в том, как эти изменения косвенно способствуют (или не способствуют) развитию народного хозяйства, и в том, как влияют на отрасли, прямо связанные с народным бытом, и, наконец, в том, как они непосредственно ухудшают или улучшают судьбы людей, меняющих рабочие места, профессии, специальности.

Что касается макроэкономических и макросоциальных воздействий, то при всей закономерности и желательности перетока работников в третичный сектор очевидно, что в условиях непреодоленного переходного кризиса расширение сферы услуг не дает немедленной экономической отдачи, которая могла бы поднять общий уровень жизни.

Возможно, что без подобного расширения, скажем, без появления массы мелких торговцев-перевозчиков («челноков») эффективность хозяйства упала бы еще резче, и положение народного большинства стало бы еще более тяжелым. Но, так или иначе, это предположение (откровенно говоря, почти недоказуемое) не меняет того факта, что в данный момент, здесь и сейчас, увеличение доли работников третичного сектора почти не способствует увеличению объема благ и услуг, потребляемых населением.

Вместе с тем, с точки зрения социально-экономической эволюции, приближение секторальных пропорций распределения труда в России к стандартам западных стран, несомненно, повышает вероятность выхода из кризиса и начала экономического роста, ориентированного на подъем жизненного уровня. Хотя и тут надо иметь в виду, что здоровый процесс расширения третичного сектора в целом протекает в условиях разрушительного кризиса и слабости государства таким образом, что в нем одновременно идут специфические противотоки, ведущие к уменьшению занятости в некоторых критически важных точках общественной инфраструктуры. Особенно тревожно в этой связи уменьшение в 1990-1999 гг. численности занятых в науке и научном обслуживании — более, чем в 2 раза в абсолютном исчислении (с 2,8 млн до 1,2 млн) и более, чем в 1,5 раза в относительном (с 3,7 % до 1,9 % всех занятых)¹⁶. На деле это противоречащее главным тенденциям прогресса уменьшение еще разрушительнее, поскольку оно даже с большей силой проявляется в наукоемких отраслях промышленности, не полностью отражаемых статистикой науки. К несчастью, не подлежит сомнению, что со временем сегодняшнее уменьшение занятости в науке скажется на росте экономики вообще и уровня жизни в частности.

Несколько более позитивным образом рост третичного сектора воздействует непосредственно на характер массового обслуживания населения. Если с точки зрения повышения эффективности производства изменение секторальных пропорций занятости лишь создает предпосылки будущего развития, не обязательно связанные с немедленным прогрессом, то уровень обслуживания под влиянием таких изменений во многом улучшается немедленно, сразу же вслед за увеличением численности обслуживающего персонала. Улучшение, понятное дело, является здесь результатом не одного лишь умножения числа работников. Не менее важны другие воздействия рынка — преодоление дефицита, конкуренция, повышение зависимости от настроений потребителя. Но, так или иначе, то обстоятельство, что число работников торговли и общественного питания в России увеличилось за 1990-1999 гг. с 5,9 до 9,3 млн чел., учреждений кредитования и финансового обслуживания — с 0,4 до 0,7 млн, а жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания — с 3,2 до 3,4 млн чел.¹⁷, само по себе сильно

способствует устранению очередей, позволяет расширить спектр услуг, уделять больше времени и внимания каждому клиенту. Хотя дороговизна товаров и услуг зачастую затмевает растущее многообразие и качество обслуживания, благотворное влияние абсолютного роста занятости в отраслях третичного сектора составляет ныне одну из несомненно «хороших» перемен в быту народного большинства.

Тем не менее, количественное расширение занятости способно улучшить качество и разнообразие услуг лишь в ограниченной мере. Решающее значение здесь имеет культура обслуживания, развитие которой требует немалого времени. Кроме того, переток рабочей силы в третичный сектор далеко не всегда сопровождается абсолютным увеличением занятости; нередко он сводится к относительному росту. Например, доля работников образования, культуры, искусства увеличилась в 90-х гг. с 9-10 % до 11 % всех занятых, тогда как их абсолютная численность уменьшилась с 7,2 млн чел. до 7,0 млн¹⁸.

Еще важнее, что распространение частных предприятий и учреждений в сфере услуг сопровождается вытеснением части зрелых индустриально-организованных форм обслуживания их кустарными, неразвитыми, примитивными аналогами, к тому же не всегда подвергающимися должному контролю со стороны слабого государства. Торговец или ремонтник становится при этом ближе к потребителю, он быстрее и полнее выполняет желания последнего, но зачастую делает это с помощью худших товаров, материалов, инструментов, предоставляет блага и услуги с меньшей гарантией, иной раз и просто опасные их виды. Если можно так выразиться, нынешнее изменение пропорций занятости по большей части увеличивает количество, многообразие услуг, ускоряет процесс обслуживания, но далеко не всегда обеспечивает повышение или хотя бы сохранение прежнего качества услуг.

8.3.4. Массовая смена профессий в процессе изменения отраслевых пропорций. Повышение и понижение квалификации. Удовлетворенность и неудовлетворенность новыми занятиями

В высшей степени серьезно и, пожалуй, наиболее противоречиво затрагивают положение народного большинства те стороны изменения отраслевой структуры занятости, которые ведут к тому, что миллионы и даже десятки миллионов людей меняют свои рабочие места, профессии, специальности. Уже из данных об изменении секторальных пропорций занятости видно, что на работу из промышленности, строительства, транспорта, связи, сельского и лесного хозяйства в торговлю, коммунально-бытовое, социально-культурное, финансовое обслуживание переместились не менее 1/5 всех занятых (см. табл. 8.4 и рис. 8.1).

В действительности явно больше, ибо простое сопоставление уменьшения и увеличения долей занятости по основным секторам народного хозяйства скрадывает масштаб перемещений за счет встречных потоков, ухода на пенсию и т. п. Правда, приход новых работников из молодежи меняет смысл сравнения итоговых показателей в противоположном направлении. Однако в России 90-х гг. постарение населения вело к тому, что выход на пенсию перевешивал пополнение занятого населения молодежью.

Согласимся также, что действительные изменения жизни обычно возникают при смене профессий и занятий, а не из-за простого перехода с одного рабочего места на другое в рамках одной и той же специальности. Между тем масса трудовых перемещений, обобщаемая изменением секторальных пропорций занятости, включает большую долю и таких, не связанных с переменой профессий эпизодов. Но все-таки, коль скоро речь идет о переходах из одной отрасли в другую, а тем более из одного сектора народного хозяйства в другой, доля людей, которым приходится менять профессию или род трудовой деятельности, бывает очень заметной. В этой связи утверждение, что в 90-е гг. род занятий пришлось сменить более, чем 1/5 работающего населения, представляется правильным и с учетом только что приведенных оговорок.

Окончательно в этом убеждают материалы опросов ВЦИОМ 1997 и 1998 гг., относящиеся непосредственно к работникам, сменившим профессию в процессе своей трудовой активности. Вследствие выборочного характера, они не столь точны, как сплошной учет занятости госстатистикой. Но порядок величин, характеризующих именно изменение профессий, специальностей, рода занятий (а не вообще любую смену рабочих мест), такие материалы выражают более или менее достоверно. Из них, в частности, видно, что в выборке, репрезентативно представляющей занятое население России, имеется около 40 % респондентов, которые хотя бы раз в течение трудовой жизни меняли профессию или специальность (см. табл. 8.5). При этом около 3/4 менявших профессию, или почти 30 % всех работающих, перешли к новому роду занятий в течение пяти лет, предшествующих обследованию, т.е. в 1992-1997 гг. В эти годы интенсивность смены профессий увеличилась втрое и более сравнительно с 70-80-ми¹⁹.

Другими словами, пятилетие ускоренного распада старой и становления новой системы оказалось временем массовой перемены занятий, охватившей от 1/4 до 1/3 работающего населения. Поскольку бурное изменение профессиональной структуры занятости и соответствующее перемещение работников далеко не завершилось, в целом за десятилетие оно явно коснется еще более широких слоев народа, напоминая в этом смысле размах социальных переходов 20-30-х гг. Показательно, что в некоторых отраслях, где занятость преобразуется быстрее всего,

Таблица 8.5

Распространенность смены профессий, специальностей, занятий в России
(по данным всероссийских опросов ВЦИОМ, репрезентативно представляющих занятое население)

Категории опрошенных	Работают по профессии, которую считают главной (исходной), или по новой профессии, полученной в результате смены занятий в период трудовой деятельности (в % ко всем опрошенным работникам в данном году)*				Из всех опрошенных в 1997 г. сменили профессию в течение 5 предшествующих лет (1992-1997)**	
	1997		1998		в % ко всем сменившим профессию	в % ко всем работникам данной категории
	по исходной профессии	по новой профессии	по исходной профессии	по новой профессии		
Все опрошенные	61	38	59	40	73	28
Тендерные категории						
— мужчины	60	39	62	37	82	32
— женщины	61	37	57	42	65	24
Возрастные категории						
— моложе 30	56	42	58	40	91	38
— 30-49 лет	61	38	57	42	72	27
— 50 лет и старше	64	34	67	33	52	18
Социально-профессиональные категории						
— специалисты	77	22	75	24	66	15
— служащие	39	60	43	56	66	40
— квалифицированные рабочие	70	30	68	32	79	24
— неквалифицированные рабочие	31	67	25	73	77	52
Категории по социальному характеру предприятий						
— государственные	66	34	61	38	66	22
— полугосударственные	56	44	66	33	72	32
— частные	52	47	49	49	93	44
Отраслевые категории						
— промышленные отрасли	66	34	66	33	61	21

Продолжение таблицы 8.5

Категории опрошенных	Работают по профессии, которую считают главной (исходной), или по новой профессии, полученной в результате смены занятий в период трудовой деятельности (в % ко всем опрошенным работникам в данном году)*				Из всех опрошенных в 1997 г. сменили профессию в течение 5 предшествующих лет (1992-1997)**	
	1997		1998		в % ко всем сменившим профессию	в % ко всем работникам данной категории
	по исходной профессии	по новой профессии	по исходной профессии	по новой профессии		
— сельское хозяйство	67	33	64	35	75	25
— торгово-бытовое обслуживание	41	58	40	58	82	48
— социальное и культурное обслуживание	68	31	67	32	78	24
— управление, финансы	37	63	39	61	88	12

* Сумма долей работающих по исходной и новой профессии может не достигать 100 %, так как не приводятся данные относительно не ответивших на вопрос.

** Соответствующие данные за 1998 г. не опубликованы.

Источники: Экономические и социальные перемены. 1997. №4. С. 58-64; Мониторинг общественного мнения. 1998. №4. С. 70-75.

в частности, в отраслях обслуживания и инфраструктуры, особенно на возникших здесь новых частных предприятиях, доля людей, сменивших профессию, уже сейчас достигает 1/2-2/3 занятых.

Понятно, что огромный масштаб распространения социальных перемещений сказывается на положении и самочувствии народного большинства, прежде всего, на положении той 1/4 или 1/3 его, которую эти перемещения затронули напрямую. Но этот процесс воздействует и на жизнь не меньшего числа членов их семей, близких, друзей, родственников. Стремительная смена занятий при всех обстоятельствах является потрясением, причем очень часто болезненным, драматическим. Тем более, что в подавляющем большинстве случаев изменение профессий бывало в 90-е гг. вынужденным, незапланированным, и потому воспринималось основной массой работников как нечто навязываемое им против воли. Согласно многим опросам 90-х гг., о смене профессий (причем вообще, в будущем, а не в данный момент) думает обычно 8-10 % занятых. Между тем, сменили профессию втрое больше работающих — 25—30 %²⁰. Непосредственно среди тех, кто фактически

занялся в 90-е гг. новым делом, доля поступивших подобным образом — не потому, что им не нравилась прежняя (исходная) профессия, но под давлением изменившихся жизненных обстоятельств, много выше — около 90% всего их числа. Причем, этот показатель не слишком различается по разным категориям опрошенных²¹.

Вынужденный характер перемены профессий закономерно обрачивается тем, что психологическое воздействие этого акта не ограничивается одним лишь шоком в момент, когда приходится переходить от одной специализации к другой. Более, чем у трети сменивших профессию (у 37-38 % всех менявших профессии среди обследованных в 1997-1998 гг.) и в последующие годы остается ощущение, что новое занятие подходит им меньше, чем старое, что оно не соответствует их интересам и склонностям. Еще свыше четверти занятых новыми профессиями не могут сказать на этот счет ничего определенного (см. табл. 8.6).

Как и следовало ожидать, особенно велика доля считающих новую профессию неподходящей и неинтересной среди тех 7—8 % опрошенных, кого смена рода занятий привела в ряды неквалифицированных работников. Здесь таких свыше половины. Но работники, у которых смена занятий сопровождалась снижением квалификации, имеются не только среди неквалифицированных рабочих. Специальные опросы 1997-1998 гг. проведенные в ходе российско-британского обследования в таких городах, как Самара, Кемерово, Люберцы, Сыктывкар, выявили, что 13-14% работников, переходящих с государственных учреждений на частные, и наоборот (что часто связано с переменной рода занятий), занимаются на новых рабочих местах менее квалифицированным трудом, чем раньше²². Вряд ли их удовлетворяет новая работа. Наполовину недовольны новой профессией пожилые работники, для которых смена привычных занятий всегда имеет крайне болезненный характер. Вместе с тем заслуживает внимание, что неудовлетворенность новыми профессиями заметно распространена и у тех, кто стал теперь работать в торговле и бытовом обслуживании, хотя тенденция тут не столь очевидна, как у неквалифицированных и пожилых работников. Возможно, в самооценке перехода к торговым занятиям и вообще к занятиям в сфере услуг сказывается долгая советская традиция официально-общественного утверждения высокой значимости индустриального и сравнительно низкой значимости торгово-обслуживательного труда.

При всей естественности, «ожиданности» ухудшений в положении работников, вынужденных покинуть исходные профессии (снижение квалификации и субъективной удовлетворенности многих из них), последствия массового перехода к новым занятиям никак не исчерпы-

ваются этими негативными изменениями. Поразительно обратное — и здесь-то как раз и проявляется противоречивость сдвигов в структуре занятости в современной России — перемена профессий, даже если она вынуждена обстоятельствами, в конце концов, улучшает положение работников ничуть не реже (в некоторых отношениях чаще), чем ухудшает его. Что касается объективных улучшений, судя по данным упомянутых обследований в Самаре, Кемерово, Люберцах, Сыктывкаре, работники, переходящие с одного предприятия на другое (а от 15 до 39 % их числа в данном обследовании составляют люди, которые одновременно меняют профессию), на новом месте чаще выигрывают в заработках, чем проигрывают²³.

Скорее всего, так же обстоит дело и с квалификацией. Правда, изменение содержания трудовой деятельности делает старые и новые квалификации, строго говоря, несопоставимыми. Однако в свете общероссийских материалов, указывающих на то, что главная направленность перетока рабочей силы сопряжена сейчас с расширением третичного и сокращением первичного и вторичного секторов занятости, очевидно соответствие повышения удельного веса подобных несопоставимых занятий главной линии производственного прогресса.

Развитие труда в обществах, подступающих к научно-индустриальному переходу, имеет сложную, двухмерную природу. С одной стороны, в них, как и везде, происходит наращивание квалификации в рамках конкретного занятия, конкретной профессии, характерной для того или иного технико-технологического типа труда — доиндустриального, индустриального, научно-индустриального (постиндустриального). С другой стороны, в подобных обществах в массовом масштабе изменяется соотношение самих технико-технологических типов. При этом распространение более развитого в общеисторической перспективе типа труда (скажем, постиндустриального сравнительно с индустриальным) может на определенное время сочетаться с расширением внутри этого более высокого типа труда менее квалифицированных для него занятий. Но это меньшая квалификация, так сказать, на более высокой ступени прогресса.

Подобные ситуации не раз бывали в прошлом. В начале нового времени квалификация основной массы фабричных рабочих, превосходя цеховую квалификацию ремесленников по общему типу труда, индивидуально, на личном уровне на протяжении десятилетий (если не столетий) уступала ремесленной. Так же соотносится теперь, скажем, квалификация станочника-универсала или слесаря-лекальщика с квалификацией оператора автоматической линии или продавца-кассира, работающего с персональным компьютером. По-видимому, именно этот вид квалификационных изменений преобладает в массе

Таблица 8.6

Оценка соответствия прежних (исходных) и новых профессий интересам и склонностям работников, охваченных всероссийскими опросами ВЦИОМ, репрезентативно представляющими занятое население (в % ко всем опрошенным, сменившим профессии*)

Категории	1997 г.			1998 г.		
	Больше со- ответствуют исходные профессии	Больше со- ответствуют новые профессии	Трудно сказать	Больше со- ответствуют исходные профессии	Больше со- ответствуют новые профессии	Трудно сказать
Все опрошенные	37	38	25	38	34	28
Тендерные категории						
— мужчины	40	38	22	42	35	23
— женщины	34	38	28	35	33	32
Возрастные категории						
— моложе 30	30	38	32	21	43	36
— 30-49 лет	35	37	27	43	33	24
— 50 лет и старше	52	40	8	47	20	33
Социально-профессиональные категории						
— специалисты	34	36	30	19	45	36
— служащие	33	48	19	33	38	29
— квалифици- рованные рабочие	37	42	21	42	736	21
— неквалифи- цированные рабочие	54	17	29	55	12	33
Категории по социальному характеру предприятий						
— государ- ственные	38	34	28	33	37	30
— полугосудар- ственные	35	40	24	34	39	27
— частные	38	40	22	47	27	26
Отраслевые категории						
— промышлен- ные отрасли	35	41	23	31	36	32
— сельское хозяйство	46	22	31	47	24	29
— торгово-бы- товое обслу- живание	30	41	28	50	24	25

Продолжение таблицы 8.6

Категории	1997 г.			1998 г.		
	Больше со-ответствуют исходные профессии	Больше со-ответствуют новые профессии	Трудно сказать	Больше со-ответствуют исходные профессии	Больше со-ответствуют новые профессии	Трудно сказать
— социальное и культурное обслуживание	49	26	25	30	37	33
— управление, финансы	33	49	18	18	77	5

* Процентные соотношения в каждом году не во всех строках дают в сумме 100 %, так как не приводятся данные, относящиеся к не ответившим на вопрос.

Источники: Экономические и социальные перемены. 1997. № 4. С. 58—65; Мониторинг общественного мнения. 1998. №4. С. 70-73.

переходов, итогом которых оказывается работа, требующая несопоставимой с прошлой квалификации. С точки зрения индивида, за этой несопоставимостью может стоять как упрощение, так и усложнение труда, как ухудшение его условий и оплаты, так и улучшение их. Но в общесоциетальном смысле преобладает прогрессивная тенденция. Да и для конкретного человека, особенно принимая в расчет стремительные темпы прогресса, переход к профессии более высокого типа, — пусть даже в рамках нового рода занятий, когда он первоначально получает менее квалифицированную работу — такой переход со временем, скорее всего, обернется повышением конкурентоспособности на рынке труда, возможностью иметь более интересную и лучше оплачиваемую специальность. В этом причина того, что, хотя почти все работники меняли профессии под давлением внешних условий, значительная часть их уже сейчас ощущает благие последствия перемен.

В составе людей, сменивших профессии, доля считающих, что новое занятие подходит им больше, нежели первоначальное, что оно интереснее и больше соответствует их склонностям, фактически не уступает доле тех, кто чувствует себя на новом месте хуже, чем на старом: по итогам всероссийских опросов это 38 % и 37 % в 1997 г. и 34 % и 38 % в 1998 г. Среди молодежи и тех, кто после перемены занятий оказался специалистом (не говоря уже о тех, кто занялся управленческим трудом и трудом в финансовой сфере), доля удовлетворенных новой профессией много больше недовольных. Так что улучшающие последствия перемены занятий в итоге ускоренной профессионально-отраслевой реструктуризации общественного труда на протяжении 90-х гг. никак не уступают ухудшениям, вызываемым этим же процессом.

8.4. Внутрипрофессиональные перемещения работников и общее повышение подвижности рабочей силы

Противоречиво-разнонаправленное воздействие на положение народного большинства в сфере труда оказывает еще один род изменений в процессах трудоустройства, и шире — в порядках и способах включения работника в общественно-организованное производство. Особенности становления рынка труда, равно как и своеобразие переходного кризиса вообще привели к заметному повышению подвижности рабочей силы в России 90-х гг. В постсоциалистической российской экономике рабочие места меняет большая доля работников, и делают они это чаще, чем в советские времена.

8.4.1. Изменение социальной структуры производства и учащение смены рабочих мест помимо профессионально-отраслевых сдвигов. Появление новых предприятий в ходе изменения социальных структур производства

Отчасти повышение частоты переходов с одного рабочего места на другое является следствием и выражением участвовавшей смены профессий, о которой говорилось в предыдущем разделе. Однако единство этих процессов далеко не абсолютно; они, так сказать, пересекаются, но не совпадают друг с другом. То есть любая интенсификация профессиональной мобильности означает одновременно рост подвижности рабочей силы. Однако далеко не все передвижения работников, не все проявления подвижности рабочей силы связаны со сменой профессий.

Множество трудовых перемещений происходит как раз без подобной смены, так что работник меняет место труда, не изменяя рода занятий. При этом к трудовым переходам без смены профессий толкают работников более многообразные и универсальные обстоятельства, нежели те, что ведут к профессиональным сдвигам.

Во-первых, перемена места работы с сохранением прежней специальности может явиться следствием тех же процессов, которые в других случаях приводят к новой профессии. Расширение сферы обслуживания и соответствующая реструктуризация занятости создает в третичном секторе рабочие места, где нужны как специалисты, чьи профессии отличны от профессий первичного и вторичного секторов, так и рабочие места, на которых требуются обычные промышленные, строительные, транспортные профессии. Следовательно, уже изменение секторально-отраслевой структуры народного хозяйства оказывается причиной трудовой мобильности не только со сменой, но и без смены профессий.

Во-вторых, в современном российском обществе разворачиваются и многие другие процессы, которые способствуют нарастанию подвиж-

ности рабочей силы, мало связанной со сменой профессий. Решающее значение тут имеют сами социальные перемены в экономике, формирование ее новой, рыночной природы. Подобные перемены всегда протекают неравномерно. Одни предприятия, фирмы, хозяйственные образования приспособляются к ним быстрее, другие медленнее, третьи вообще не могут адаптироваться и полностью сходят с экономической сцены. Потрясения переходного кризиса еще больше усиливают неравномерность развития.

В итоге характерной чертой всего периода преобразования госсocialистической экономики в рыночную (или хотя бы полурыночную, ограниченно рыночную) становится более интенсивное, чем прежде, перемещение и перераспределение рабочих мест не только по отраслям (о чем шла речь выше), но и между предприятиями внутри одних и тех же отраслей. Хиреющие предприятия особенно быстро сокращают работников или (что бывает у нас чаще) особенно быстро ухудшают условия и оплату их труда. Фирмы, которым удастся адаптироваться, наоборот, предлагают новые рабочие места или пытаются привлечь новых, лучших работников взамен тех из прежних, кто не отвечает современным требованиям. К тому же сравнительное положение предприятий на еще только формирующемся рынке меняется достаточно быстро, во всяком случае, быстрее, чем в рамках госсocialизма. Тем самым еще больше ускоряется перемещение точек притяжения однотипной рабочей силы и, значит, дополнительно увеличивается вероятность переходов в такие точки работников, не меняющих профессии.

Короче, по мере продвижения к рыночному строению экономики, особенно на начальных стадиях этого процесса, возрастает изменчивость сравнительной привлекательности предприятий на рынке труда. Соответственно складывается ситуация, в которой более частая смена рабочих мест становится для массы рабочих и возможной, и необходимой вне зависимости от смены профессий.

В том же ускоряющем переток работников, направлении действуют некоторые особенности формирования различных социально-производственных укладов в процессе превращения госсocialистической экономики в рыночно-капиталистическую (или посткапиталистическую). На уровне предприятий процесс этот разворачивается в двух основных формах. С одной стороны, изменяются условия, устройство, социальное содержание деятельности предприятий, возникших еще в рамках социалистической системы — бывших государственных или кооперативных (в советском смысле) заводов, фабрик, институтов, ферм и т. п. Обычно они либо приватизируются, либо, хоть и остаются государственными, превращаются в казенные предприятия, действующие, однако, в рыночной среде. С другой стороны, происходит создание новых, в подавляющем большинстве частных, предприятий, возникающих, так

сказать, «с нуля», и с самого начала функционирующих в качестве субъектов рынка и преимущественно капиталистических отношений.

Как уже отмечалось выше (см. т. I, очерк 2), в теоретических построениях транзитологии эти процессы зачастую обозначаются терминами «реструктуризация» и «реаллокация», чем подчеркивается, что в первом случае меняется природа (структура) каждой «клеточки» прежнего производственного аппарата, а во втором ресурсы общества перемещаются, перетекают от прежних, отмирающих «клеточек» к нарождающимся «клеточкам» иной социально-экономической природы²⁴. Естественно, что этот же смысл можно передать, говоря о преобразовании, изменении, эволюции социальной организации прежних госсocialистических предприятий и об увеличении удельного веса создаваемых заново частных, рыночно-капиталистических предприятий. При рассмотрении многообразных процессов, в каждом из которых присутствуют элементы изменения самых различных структур, т. е. разных реструктуризаций (например, в применении к занятости — структур профессионально-отраслевой, социальной, квалификационной и т.п.), использование последних понятий вместо узко толкуемых терминов «реструктуризация» и «реаллокация» иной раз может оказаться предпочтительным.

Утверждение рыночно-капиталистического типа социальной организации в производстве так же, как и различие форм, в которых происходит это утверждение, воздействует не только на подвижность рабочей силы. Подобные перемены, меняющие социальную природу народного хозяйства, влияют на все стороны положения работников, на самые устои жизни народного большинства. Последствия сдвигов в социальной структуре экономики (а казенно-государственные, приватизированные, вновь созданные частные предприятия и уклады, возникающие в итоге реструктуризации и реаллокации, образуют элементы именно социальной структуры производства) имеют несравнимо более широкий смысл, чем последствия изменения отраслевой структуры. Изменение социальной структуры выступает основным фактором социальной дифференциации в целом, и эта общая дифференциация, с точки зрения положения народного большинства, как раз и составляет главный результат появления государственного, приватизированного (полугосударственного) и частного укладов в российской экономике 90-х гг. Но, будучи второстепенным по сравнению с некоторыми другими социальными последствиями, само по себе воздействие реструктуризации и реаллокации на подвижность рабочей силы достаточно ощутимо.

В частности, возникновение совершенно новых частных предприятий в любом случае означает перемещение в них работников, причём перемещение это отнюдь не обязательно должно быть связано с изменением профессий. Хотя в России роль реаллокации (по сравнению с реструктуризацией) ниже, чем во многих других бывших социали-

стических странах, она все-таки повлияла в 90-е гг. на перемещение заметного числа работников. Если исходить из официальных цифр вообще, получается, что к 1999 г. доля работников на частных предприятиях приблизилась к 45 % занятого населения, а на предприятиях смешанной формы собственности превысила 15 %²⁵. Однако в данных госстатистики к частным отнесены все предприятия, действующие сейчас независимо от государства, в том числе множество приватизированных заводов, фабрик, фирм и т.п. Эти последние не создавались заново, и их появление не обязательно связано с приходом новых работников. Немалое число приватизированных предприятий отнесены к частному сектору и в обследованиях ВЦИОМ, где на его долю приходится в последние годы 25-30 % всех опрошенных работников. Так что утверждать, что на заново созданные частные предприятия пришла 1/2 или хотя бы 1/3 занятого населения, было бы явным преувеличением. Тем не менее, если не 40—50 % и не 25—30 %, то все же очень значительная часть занятого населения оказалась к исходу 90-х гг. работающей на предприятиях нового частного сектора.

Так, по данным всероссийского обследования, проведенного сотрудниками Института философии РАН еще в 1994 г., всего лишь через два-три года после начала интенсивных экономических преобразований свыше 10 % занятого населения перешло работать на заново возникшие частные, кустарные, фермерские предприятия²⁶. В последующие годы, судя по данным российско-британского обследования, проведенного в 1998 г. и репрезентативного для таких разнообразных российских городов, как Самара, Кемерово, Люберцы, Сыктывкар, доля занятых на вновь созданных предприятиях частного сектора повысилась до 16 %, а самозанятых — до 3-4 %. Споры нет, на новых частных предприятиях работает немало молодых людей, именно здесь начавших свою трудовую деятельность. Но все-таки большинство — две трети из почти 20 % занятого населения, которые, по данным обследования, трудятся на новых частных предприятиях или имеют собственное дело, — приходится на долю людей 30 лет и старше, т. е. тех, кто заведомо перешел на новые предприятия, покинув другие рабочие места²⁷.

Таким образом, за счет появления одних лишь отсутствовавших в прошлом элементов социальной структуры, или говоря иначе, за счет реаллокации и создания нового частного сектора перемещение работников на новые предприятия охватило по меньшей мере 15 % занятых. Как видно, это величина одного порядка с показателями роста подвижности рабочей силы вследствие изменения профессионально-отраслевого строения занятости.

Повторим, что оба процесса взаимопересекаются и в значительной степени перекрывают друг друга. Новые частные предприятия растут в третичном секторе несравнимо интенсивнее, чем во вторичном, и,

следовательно, реаллокация отчасти тождественна смене занятий. Однако при всем том, ясно, что воздействие совокупности социальных и профессионально-отраслевых перемен больше, чем влияние каждой из них в отдельности. А поскольку смена профессий обуславливается только одним из этих факторов, тогда как общая мобильность — обоими, то и возрастание подвижности рабочей силы в целом, включая смену рабочих мест без изменения профессий, должно быть значительно не одного лишь роста перемены занятий.

8.4.2. Снятие административных препятствий движению рабочей силы.

Расширение вторичной занятости как особая форма роста трудовой мобильности

Сверх того, о чем говорилось выше, общему увеличению трудовой мобильности (в отличие от специфического роста межпрофессиональных перемен) способствовала ликвидация в начале 90-х гг. множества форм административного регулирования найма и перемещения работников, которые в прошлом существенно сдерживали свободный переток рабочей силы. Особенно существенно в данной связи прекращение попыток централизованного планирования занятости в государственном и полугосударственном секторах. (В частном секторе его, понятно, никогда и не было; но и сам он в открытом виде не существовал в советском обществе 30-80-х гг.) Предприятия получили свободу в определении численности и состава используемых ими работников, а также в установлении уровня и дифференциации зарплаток. Определенную роль сыграло формальное провозглашение отказа от института прописки и реальное ослабление (если пока еще и не полное устранение на деле) создаваемых ею препятствий для перемещения работников.

Расширение свободы найма явилось главной причиной увеличения такой специфической формы движения рабочей силы, как поступление на вторую работу в дополнение к основной, вообще занятие разного рода приработками. Такая вторичная занятость имела место и в госсocialистической системе, хотя официально — только в качестве работы по совместительству, которая при этом жестко регламентировалась и ограничивалась. При этом половина совместительств осуществлялась по основному месту работы. В этих случаях работник получал возможность иметь дополнительный заработок, что привлекало многих. По существу, однако, этот порядок означал оплату увеличенного рабочего дня по обычным, а не сверхурочным тарифам, хотя на деле совместительство на основном рабочем месте было именно сверхурочным трудом. Наиболее широкое развитие подобное совместительство получило среди медицинских работников. Вторая половина совместительств, связанная с трудом не по месту основной работы, больше

соответствует обычному пониманию вторичной занятости. Но она требовала сложного специального оформления, и в ряду массовых специальностей сколько-нибудь заметно была распространена разве что в системе образования.

Между тем все другие (в тех условиях — абсолютно гипотетические) формы вторичной занятости, такие как участие в производстве тех или иных материальных ценностей для их продажи, оказание материальных или непроизводственных услуг частным лицам, предприятиям промышленности, торговли, бытового обслуживания, колхозам, школам, больницам и т. п., признавались заведомо незаконными, если они осуществлялись вне государственных структур, и потому административно или уголовно наказуемыми и/или подлежащими моральному осуждению.

Да и совместительство, хотя оно и было разрешено, но не в принципе, не всем гражданам, желавшим трудиться дополнительно и получать дополнительное же вознаграждение, и не всем тем хозяйственным структурам, которые нуждались в привлечении дополнительной рабочей силы. Для этого требовались специальные разрешения, которые давались выборочно и в централизованном порядке. За четверть века было принято около 140(!) соответствующих нормативных актов²⁹. Так что в этом деле господствовал скорее запретительный, нежели разрешительный принцип (к тому же запретительные барьеры имел возможность возвести любой начальник).

И тем не менее уже в конце 50-х - начале 60-х гг. разного рода приработками были заняты сотни тысяч, если не миллионы работников. Во всяком случае, исследование, проведенное в 1963 г. под руководством Б. А. Грушина, позволило ему констатировать, что «в стране, хотя и в ограниченных размерах, существует также *дополнительный труд с целью заработка...*, принимающий различные формы». Занятых таким трудом в совокупности опрошенных горожан оказалось 5,5 % (мужчин 6,4%, женщин 4,4 %) ³⁰. Правда, в обстановке строгих запретов на одни виды дополнительной деятельности и ограничения других, подкрепляемых официальным одобрением (и активным внедрением в массовое сознание) установок на «скромный достаток» и неодобрением намерений заработать побольше (они квалифицировались как «рвачество»), вторичная занятость не получила широкого распространения. Не удивительно, что установки на такого рода занятия не были (по крайней мере на вербальном уровне) сколько-нибудь широко распространены. Так, в ходе нашего обследования 1967-1968 гг. в Таганроге респондентам-рабочим задавался вопрос: «Если бы в Вашем распоряжении было больше свободного времени, на что Вы стали бы его расходовать?» Только 8 % мужчин и 5 % женщин выбрали вариант ответа «Работа для дополнительного заработка» (при том, что разрешалось отметить

5 из предложенных 13 вариантов). И у тех и у других этот вариант занял 12-е места, уступив последнее, 13-е, общественной работе у мужчин и занятиям физкультурой у женщин³¹.

В результате в «эпоху застоя» (70-е — первая половина 80-х гг.) масштабы вторичной занятости менялись очень медленно. Так, в 1988 г., т. е. в канун радикальных перемен в экономике нашей страны, на правах совместительства не на своих предприятиях в Российской Федерации трудились 1,6 млн рабочих и служащих, или всего лишь 2,4 % их общей численности, и еще примерно столько же прирабатывали таким образом на своих предприятиях (а в середине предшествующего десятилетия таких «легальных» совместителей было в полтора раза меньше)³². Вместе с тем не меньше (если не больше и много больше) работников прирабатывали на полулегальных или вовсе нелегальных основаниях. Многие тысячи рабочих, инженеров, студентов в отпускное или каникулярное время подрабатывали в колхозах и совхозах («шабашка»), еще большее число людей находили разнообразные возможности «левого» заработка в местах постоянного проживания — на условиях прямой договоренности с потребителями ремонтировали их квартиры, автомобили, бытовую технику, занимались частным извозом («кальмили»), шили одежду и репетиторствовали, оказывали медицинские услуги и т. д. и т. д. Они пренебрегали угрозами административных и судебных преследований или моральной травли, поскольку для большинства из них эти занятия были фактически единственным способом пополнять семейные бюджеты (а для многих также более полно реализовывать свои творческие потенциалы).

Естественно, что этот стихийный процесс ускорился после начавшихся в середине 80-х гг. преобразований. А поскольку речь шла не только о правах человека и работника, но и об экономической целесообразности, этот процесс был официально легализован и легитимирован постановлением Совета Министров СССР от 17 сентября 1988 г. Формально говоря, в нем (в соответствии с его названием «О работе по совместительству») рассматривался только этот аспект проблемы. Но фактически с этого времени все работники получили право иметь дополнительную оплачиваемую работу. О том, что это решение не только назрело, но даже и «перезрело», свидетельствуют материалы всесоюзного опроса, проведенного ВЦИОМ в феврале-марте 1989 г.

Абсолютное большинство из более, чем 1 000 опрошенных горожан (свыше 80 %) ответили, что они одобрительно отнеслись к тому, «что государство практически сняло ограничения на дополнительную работу», и только менее 7 % не одобрили этого решения (остальные 13 % проявили безразличие к этой проблеме). Причем среди мотивов неодобрения чаще всего упоминался прагматический — что это помешает воспитанию детей, выполнению домашних дел; второе место заняло

принципиальное (а в сущности, порожденное десятилетиям целенаправленной пропаганды) несогласие с такой возможностью, потому что *«она лишает человека полноценной жизни»*; третье — квазигосударственная обеспокоенность тем, что *«люди, экономя силы для дополнительной работы, станут менее добросовестно относиться к своей основной работе»*. Впрочем, такого рода суждения высказывали те, кто остались в данном случае в явном меньшинстве³³. Более того, постановление Правительства СССР не просто корреспондировало с подготовленным к этой новации общественным мнением и общественным настроением, но и отразило сложившуюся практику, реально происшедшие социально-экономические сдвиги. Знаменательно, что более 13% работающих респондентов положительно ответили на вопрос *«Работаете ли Вы в настоящее время на дополнительной работе {включая работу в кооперативе и индивидуальную трудовую деятельность?»* Вряд ли этот показатель, втрое превышавший приведенные выше данные 1987 г. о числе совместителей, мог быть достигнут за короткое время, прошедшее после легализации вторичной занятости; скорее всего он отразил выход «из тени» большого числа «вторичнозанятых».

Снятие административно-бюрократических препон привело к росту возможности трудовых перемещений, связанных с поступлением на дополнительную работу или уходом с нее. Правда, большинство вторичных работ — по некоторым оценкам до $3/4$ ³⁴ — приняло неформальный характер и не регистрируется государственной статистикой. Поэтому по официальным данным, вторую работу имеет сейчас не более 1-2 % занятых³⁵. Понятно, однако, что эти цифры отражают лишь стремление и работников, и работодателей избавиться от налогообложения в сфере вторичной занятости, равно как и трудности статистической коррекции сокрытий, возникающих вследствие такого стремления. В этом смысле более надежны материалы репрезентативных социологических обследований. Так, данные всероссийских опросов ВЦИОМ свидетельствуют, что какую-либо оплачиваемую работу или приработок, помимо основного занятия, имели в разные годы 11-22 % работающих и 11-17 % всех опрошенных (см. рис. 8.2 и 8.3)³⁶.

Очень тщательное, хотя и меньшее по масштабам, российско-британское обследование 1998 г. в Самаре, Кемерово, Люберцах и Сыктывкаре показало, что в течение предшествовавшего опросу года 18-20% работающих и 29 % всех опрошенных имели дополнительные приработки. Несколько более раннее обследование, проведенное в 1995 г. во Пскове, также показывает, что дополнительную оплачиваемую работу (регулярную и нерегулярную) имеет почти 23 % работающих. Псковское обследование особенно интересно потому, что оно имеет панельный характер и во многом повторяет обследования, проводившиеся там же в 60-80-х гг. Это обстоятельство определяет его надеж-

Рис. 8.2. Распространённость дополнительных приработков среди всего населения России (данные ВЦИОМ 1996–1999 гг., %)

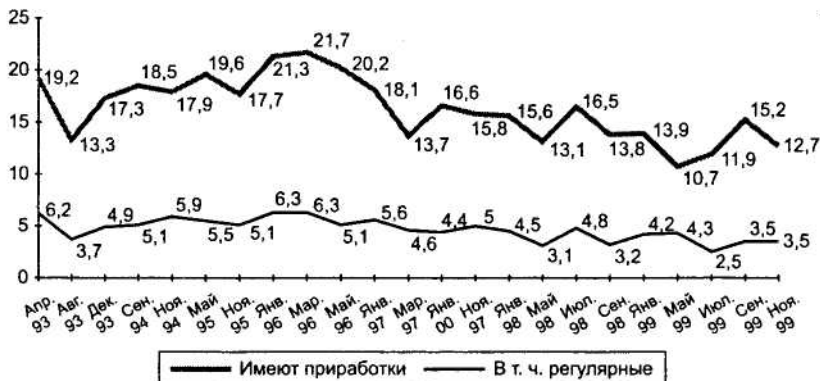

Рис. 8.3. Имеющие приработки среди работающих

ность и к тому же позволяет судить о динамике последнего десятилетия на основе более сопоставимых цифр, чем сравнение с одним лишь совместительством. Тем показательнее, что в 1986 г. вторая работа или дополнительные приработки были у 5 % трудящихся псковичей³⁷.

В любом случае видно, что ослабление государственного администрирования в обстановку снижения реальных доходов обусловило весьма существенный рост вторичной занятости и приработков сравнительно с 80-ми гг., когда они охватывали не больше 5 % занятых. Широкое распространение дополнительных работ влияет на очень многие стороны положения трудящихся, на условия и оплату труда прежде

всего. Нам поэтому придется еще не раз возвращаться к проблемам вторичной занятости. Здесь же, пока речь идет о том, как сказалось первое десятилетие отхода от госсocialизма непосредственно на трудоустройстве и подвижности рабочей силы, важно подчеркнуть, что многократное увеличение числа людей, имеющих вторую работу, сопряжено, помимо всего прочего, с существенным увеличением случаев смены рабочих мест.

По данным опросов ВЦИОМ, лишь относительно небольшая часть дополнительных заработков (в разные годы от 15 до 24 %) была связана с совместительством на том же предприятии, где находится основная работа³⁸. Тут приработок можно получить, не меняя трудовую позицию. Однако во всех остальных случаях получение дополнительного приработка есть одновременно передвижение на новое рабочее место. Более того, рабочее место иногда меняется и при дополнительном труде на своем предприятии. При этом частота смены вторичных занятий много выше, нежели интенсивность изменения основных (первичных) рабочих мест. Регулярную, одну и ту же вторичную работу хотя бы в течение года сохраняет меньшинство вторично занятых. В упомянутом обследовании Самары, Кемеровы, Люберец, Сыктывкара в 1998 г., где этот вопрос выяснялся специально, таких оказалось только 26 % от всего числа работников, имеющих дополнительные занятия³⁹. Сходные результаты дает одновременный всероссийский опрос ВЦИОМ. Хотя там нет столь же четких вопросов по этому поводу, как в российско-британском обследовании, все же из него ясно, что лишь от 1/5 до 1/3 всех вторично занятых говорили в 1993-1999 гг. о наличии у них постоянной дополнительной работы; у остальных же это были более или менее случайные приработки (см. рис. 8.2 и 8.3). Последние, скорее всего, меняются по многу раз в течение года. Так что наличие не менее, чем у 10-15% занятого населения дополнительных работ и приработков свидетельствует о том, что еще гораздо большая доля взрослого населения ежегодно или чаще меняет вторичные рабочие места.

При этом большинство вторичных работ связано с тем же родом занятий, что и на месте основного труда. Во всероссийских опросах ВЦИОМ оказалось менее трети (29 % по данным 1997 г.) тех, кто на второй работе меняет профессию⁴⁰. Остальные приходят на дополнительные рабочие места и затем перемещаются с одного на другое в рамках своей основной профессии. В этом смысле развитие вторичной занятости больше увеличивает те формы перемены рабочих мест, которые не связаны со сменой профессий и, следовательно, выступает еще одним фактором, обуславливающим существенно более высокий общий рост мобильности рабочей силы сравнительно с тем, что получается из одних только межотраслевых подвижек.

8.4.3. Суммарная интенсивность смены рабочих мест в 90-е годы. Значение трудовых перемещений, связанных и не связанных с изменением профессий

Обобщающие фактические данные в целом подтверждают выводы, следующие из разбора отдельных факторов, определяющих трудовые перемещения, связанные и не связанные с изменением профессий. Хотя статистика, позволяющая провести совершенно строгие сравнения такого рода, отсутствует, очевидно, что последние затрагивали в 90-е гг. явно большую долю занятых, чем первые. Напомним, что исходную профессию в это время ежегодно меняло примерно по 5-6 % занятых (см. табл. 8.5). Между тем, всего переходило на новые рабочие места — основные и вторичные, с изменением и без изменения профессии — никак не менее 15-20% занятых в год*

Значит, число меняющих рабочие места с сохранением прежнего рода занятий по крайней мере вдвое-втрое превосходило число тех, кто начинал работать по новой профессии. Сходные результаты показывают материалы российско-британского обследования 1998 г. в четырех городах. Из них следует, что при переходах с одного рабочего места на другое изменяют профессии 15—39 % работников, не изменяют — 61-85%, т.е. опять-таки в 2-3 раза больше.

Менее очевидной выглядит ситуация с темпами возрастания рассматриваемых форм трудовой мобильности. Не исключено, что интенсивность смены профессий (которая, как отмечалось, поднялась втрое) увеличивается быстрее, чем повышается подвижность рабочей силы в рамках постоянных специальностей. Если это так, то в будущем

* Подобная оценка основана на следующих соображениях. В 1992-1998 гг. на предприятия и в учреждения российского народного хозяйства ежегодно принималось по 9-12 млн работников, что соответствует 19-22 % среднесписочного числа занятых. Исходя из возрастной структуры работников, можно считать, что примерно десятую часть принятых на работу или чуть больше составляли молодые люди, впервые пришедшие в экономику. Остальные, т. е. как раз 15-20 % среднесписочного числа занятых, поступили на работу, оставив прежние рабочие места либо непосредственно перед переходом, либо пережив несколько месяцев безработицы (доля поступивших на работу после пребывания на пенсии или пребывания в качестве неработающей домохозяйки настолько незначительна, что ею можно пренебречь). Показательно также, что ежегодно доля работников, оставлявших свои рабочие места и выбывавших с предприятий, соответствовала в 90-е гг. 24-27 % среднесписочного состава занятых. Каждый пятый-седьмой из выбывших выходил на пенсию. Еще столько же, или даже больше, оказывались безработными, хотя большинство из них (60—70 %) оставались без работы менее года. В итоге по статистике выбытия работников также получается, что рабочие места ежегодно меняли что-нибудь около 15—20% всех занятых⁴¹. Следует учитывать, что в исходных данных наших оценок включаются сведения только о регистрируемых переходах в сфере вторичной занятости. Эти оценки подтверждаются еще и тем, что в ходе многократных репрезентативных опросов ВЦИОМ, проводившихся в 1993—1999 гг., доля людей, указывающих, что они в ближайшее время скорее всего или возможно сменят место работы, тоже почти всегда составляла 15-20% опрошенных работников⁴².

может измениться и соотношение абсолютных масштабов трудовой мобильности с изменением и без изменения профессий.

Но, быстрее или медленнее, смена рабочих мест в рамках одного и того же рода занятий учащается, так что трудовая мобильность в целом во всех ее формах оказывается в 90-е гг. заметно более высокой, чем в предшествующее десятилетие. Точное сопоставление и тут вряд ли возможно. Показательно, однако, что в 90-е гг. число ежегодно увольняющихся по собственному желанию (куда не входят сокращенные, вышедшие на пенсию, арестованные и т. п.) достигало в промышленности 15-20 % занятых, на транспорте 15-17 %, в строительстве 27-30 %. В 80-е гг. в этих отраслях даже более широкий показатель текучести кадров, объединяющий уволившихся по собственному желанию с сокращенными, арестованными и т. п. работниками, не превышал соответственно 13-14%, 12-13% и 17-18%. На долю непосредственно уволившихся, естественно, приходится еще меньший процент. В частности, в промышленности что-нибудь около 11 %⁴³. В России 90-х гг. смена места труда происходила, таким образом, в 1,5-2 раза чаще, чем в 80-е. Знаменательно, что по обороту рабочей силы (размеры которого чаще всего коррелируют со сменой рабочих мест*) наша страна обогнала другие бывшие социалистические страны Центральной и Восточной Европы и вплотную приблизилась к показателям многих западноевропейских стран. Вместе с тем оборот и вообще подвижность рабочей силы у нас все еще в 2-3 раза ниже, чем в США и Канаде⁴⁴.

Охватывая своим воздействием гораздо большую часть трудящихся, процессы общего возрастания мобильности работников, и прежде всего процессы трудовых перемещений без смены профессий, оказывают в известном смысле менее глубокое, менее сильное воздействие на положение большинства работников. По крайней мере, именно так обстоит дело, когда речь идет о положении каждого отдельного человека, непосредственно переходящего с одного места на другое. Это и понятно, ибо трудовые передвижения с сохранением профессии означают все-таки меньшую перемену устоявшихся жизненных обстоятельств, чем одновременное изменение и места работы, и рода самой трудовой деятельности.

Однако меньшая сила воздействия трудовой мобильности без изменения профессий не кажется столь очевидной, как только начинается оценка ее социальных последствий применительно к положению всего народного большинства. Тут надо принимать в расчет влияние перемещений на квалификацию, заработка, статус и, значит, на изменение

* Оборот рабочей силы отражает все случаи поступления на работу и ухода с нее. Помимо перехода с одного рабочего места на другие, сюда входят первые поступления на работу, возвращения к труду после безработицы и других перерывов, а также уход с работы, в случае прекращения трудовой деятельности, начала безработицы и т. п.

способности перемещающихся работников обеспечивать доход и условия жизни всех членов семьи. И влияние это при переходе на новую работу в рамках прежней специальности может сказываться на положении трудящихся и их семей столь же сильно, как и при смене профессии, а то и сильнее.

Впрочем, в любом случае, и тогда, когда влияние перемещений без изменения профессий слабее влияния, оказываемого переходом к новой специальности, и тогда, когда первое относительно сильнее второго, сам по себе, так сказать, в абсолютном измерении, рост подобных перемещений существенно воздействует на положение большинства работников. Переход на новое место работы всегда сопровождается сменой множества условий жизненной обстановки — и не только на производстве, но и в быту, в материальном положении семьи. В этом смысле повышение темпов мобильности есть фактор возрастания сложности и напряженности положения работника на производстве, даже если его профессия остается неизменной.

Что же касается соединения в переменах, охвативших в 90-е гг. трудоустройство и трудовую мобильность, «хороших» и «плохих» тенденций, в этом отношении увеличение подвижности рабочей силы без изменения профессий отличается той же противоречивостью, что профессиональные сдвиги. Позитивные и негативные последствия переплетаются в процессах возрастания, так сказать, чистой трудовой мобильности не менее тесно и органично, чем это бывает при смене рода или характера труда.

8.4.4. Негативные и позитивные социальные следствия повышения подвижности рабочей силы. Стабильность и мобильность

Очевидно, что изменения места работы, даже если в рамках общей трудовой карьеры оно является частью восходящего движения, сопровождается существенной ломкой привычных производственных позиций и отношений. Оно всегда связано с немалыми психологическими потрясениями и всегда несет в себе элементы душевных тягст. Соответственно, уже сам факт, что на протяжении 90-х гг. вдвое, а то и втрое большей доле работников пришлось менять места работы — пусть и без изменения профессий — свидетельствует, что их производственное положение стало отчасти более трудным, чем в предшествующем десятилетии.

В тех же потоках внутривидовых трудовых перемещений, где мобильность имеет нисходящий характер, где она не повышает квалификацию, не улучшает условия труда и, тем более, там, где она ухудшает эти показатели, в этих потоках возрастание числа работников,

меняющих места труда, означает отягощение даже не отдельных элементов, но всего их положения в производственной сфере. К сожалению, подобные невосходящие и прямо нисходящие потоки передвижения работников, особенно при перемещениях, не связанных с изменением профессий, охватывают очень большую часть людей, сменивших места работы в 90-е гг. Внутрипрофессиональные трудовые перемещения в еще большей мере, чем изменения рода занятий, обуславливаются сейчас не факторами притяжения, а факторами выталкивания. Роль экономического спада здесь чрезвычайно велика, и поэтому едва ли не большинство переходов на новые работы в рамках прежней профессии выражают не подъем на новую ступеньку производственной карьеры (что обычно бывало в малоподвижные советские времена), но попытку хоть как-то приспособиться к ухудшающейся ситуации.

Неудивительно, что российско-британское обследование в Самаре, Кемерове, Люберцах, Сыктывкаре показало, что среди разных категорий опрошенных работников, перешедших за предшествующий год на другие предприятия не меняя профессии, оказалось от 10 до 30 % тех, кто при этом получил работу более низкой квалификации, нежели та, что была на прежнем месте. Соответственно это обследование обнаружило, что от 17 до 40 % перешедших с одного предприятия на другое (включая и некоторую долю сменивших профессию) стали зарабатывать меньше, чем на прежнем месте⁴⁵. Для этой части работников (четверти или трети их, считая округленно) рост мобильности в 90-е гг. явно оборачивается ухудшением производственного положения.

Одновременно интенсификация внутрипрофессиональной мобильности негативно сказалась и на некоторых (правда, не всех) трудовых позициях тех работников, у которых при переходе с одного рабочего места на другое квалификация и заработка не изменились. Содержание и оплата труда у них сами по себе не ухудшились и не улучшились. Однако социально-психологические сложности, сопровождающие перемену работы, временное или постоянное ослабление чувства стабильности и уверенности им пришлось пережить в полной мере. А ведь численность работников, которые перешли с одного места на другое без улучшения и ухудшения квалификации или заработка даже превосходит число тех, у кого на новых рабочих местах квалификация и зарплата понизились: в городах, охваченных российско-британским обследованием 1998 г., сохранили прежнюю квалификацию от 46 до 60 % разных категорий перешедших на другие предприятия без изменения профессии, прежнюю зарплату — от 15 до 35 %⁴⁶. Иными словами, что-нибудь для половины или двух третей работников рост внутрипрофессиональных перемещений на первых, кризисных этапах рыночных преобразований вылился в полное или частичное, объективное или субъективно-психологическое отягощение их положения на производстве.

Вместе с тем — и это не менее важно — при всей несомненности определенных ухудшений, связанных с более частой сменой рабочих мест, они (эти ухудшения) отнюдь не исчерпывают всех последствий интенсификации трудовой мобильности. Слияние «плохих» и «хороших» тенденций, позитивных и негативных воздействий на положение народного большинства проявляется в итогах возрастания внутривнутрипрофессиональной подвижности рабочей силы так же ясно, как и в межпрофессиональных перетоках и других процессах изменения занятости и трудоустройства в России 90-х гг.

Собственно, уже из приведенных цифр видно, что у немалой части работников внутривнутрипрофессиональные переходы с одного рабочего места на другое не означают ни снижения квалификации, ни уменьшения зарплаток. Согласно данным российско-британского обследования 1998 г., от 24 до 36% работников крупных городов, которые перешли с одного предприятия на другие без изменения профессии, получали при этом работу более высокой квалификации. У еще большей части, сменивших работу (с изменением и без изменения профессии) — у 32-68 % их — на новых местах зарплатки оказались выше, чем прежде⁴⁷. Как видно, доля работников, улучшивших в ходе перемещения свои объективные производственные позиции — квалификацию и зарплатку, составляя от трети до половины всех меняющих место работы, явно превосходит ту четверть или треть перешедших, у которых эти позиции ухудшились. Хотя некоторые социально-психологические тяготы во время смены мест труда испытывают все работники, понятно, что в той части внутривнутрипрофессиональных перемещений, которая сочетается с повышением квалификации и зарплаток, рост трудовой мобильности оказывает по преимуществу улучшающее воздействие на жизнь затрагиваемых им групп.

Для уяснения влияния растущей подвижности рабочей силы, в том числе на положение народного большинства, важно, помимо изменения объективных трудовых позиций и субъективно-психологических напряжений, принять в расчет стимулируемое этой подвижностью развитие у работников новых личностных свойств. Рыночное производство, особенно зрелое индустриальное и постиндустриальное рыночное производство, нуждается в мобильном работнике, способном относительно часто переходить с одного места труда на другое, в соответствии с потребностями динамично развивающейся, гибкой экономики, свободно менять свою квалификацию в пределах широкой профессии, а то и вообще менять профессиональные знания и умения.

Государственный социализм, равно как и преобладавший у нас индустриально-конвейерный технико-технологический уклад препятствовали формированию подвижного работника. Напротив, и идеология, и социально-экономическая политика, и производственная практика

в советские времена были нацелены на борьбу с пресловутой текучестью кадров, поощрение возможно более длительной и чуть ли не пожизненной работы на одном предприятии и даже одном рабочем месте, прославление трудовых династий, т. е. работы на одном предприятии из поколения в поколение. В итоге в советском обществе формировалось множество работников, для которых переход с предприятия на предприятие был очень непростым, порой чрезвычайно тяжелым делом.

С этой точки зрения ускорение трудовых перемещений в современной России имеет несомненно положительный смысл. Увы, пока что эта подвижность растет на фоне и в значительной мере под влиянием не технического, экономического, социального прогресса, но глубокого переходного кризиса. Поэтому позитивные следствия повышения мобильности, в том числе выработка у работников свойств, соответствующих этой мобильности, проявляются далеко не в полной мере. Но так или иначе, они проявляются. Сегодняшний российский работник готов к перемене труда в гораздо большей мере, чем десять лет назад. Он меньше боится (хотя все еще очень боится!) начинать новую деятельность, лучше (хотя и немногим лучше) способен приспосабливаться к меняющимся требованиям, больше верит в свои силы. Нынешний работник научился более рационально и активно реагировать на сигналы, поступающие из сферы производства на рынок труда, — как на сигналы о возможностях повысить трудовой доход, улучшить условия или изменить содержание труда и т.д., так и на сигналы о происходящих, предстоящих или предполагаемых изменениях в лучшую или худшую сторону, вплоть до потери самой работы. То обстоятельство, что в современной России доля занятого населения, ежегодно меняющая рабочие места, достигает величины порядка 15—20 %, в том числе меняющая профессии — порядка 5 %, свидетельствует об этом совершенно ясно.

Разумеется, больше и лучше не значит достаточно. Свойства, необходимые мобильному работнику, сформированы в современной России далеко не в полной мере. Напомним, что и сама подвижность рабочей силы у нас только приближается к подвижности, характерной для ведущих западноевропейских стран и все еще сильно отстает от американской. Однако общее преобладание «хороших» сдвигов в смысле формирования свойств подвижного работника в сегодняшней России вряд ли может быть оспорено.

Кстати, в конкретно-исторических условиях нынешней России превращению стабильного малоподвижного работника в работника высокоподвижного и выработке у миллионов людей соответствующих личностных свойств сильно способствует широкое развитие у нас вторичной занятости. Вторая работа, даже если она имеет характер нерегулярного приработка, сверх того, что она дает дополнительный доход, открывает возможность осваивать новые виды деятельности постелен-

но, избегая столь трудного и страшного для непривычных людей резкого разрыва со старыми профессиями и предприятиями. Да и после фактического перехода на новую работу, после освоения нового занятия и превращения его в основной источник дохода, очень многие работники формально сохраняют старое рабочее место в качестве своего рода страховочной сетки. И то, что объективно страховка здесь зачастую является иллюзией, никак не уменьшает ее социально-психологического действия.

Знаменательно, что в одном из специальных опросов ВЦИОМ 1995 г., до 45 % людей, имеющих вторичную работу, сказали, что они не исключают ее превращения в обозримом будущем в основное занятие. А от 15 до 20 % вторично занятых вообще указывают, что они взяли за дополнительную работу прежде всего для того, чтобы завести новые знакомства и связи, постепенно получить стабильное рабочее место и таким образом перейти на более интересную и лучше оплачиваемую работу⁴⁸. Естественно, вторичную работу как средство повышения трудовой подвижности, больше всего используют те категории работников, которые вообще отличаются большим динамизмом и мобильностью. В том же обследовании 1995 г. об этом вдвое чаще, чем в среднем, говорили занятые в частном секторе (47 %, в том числе высказавших намерение «завести новые знакомства, связи» среди них было 15 %), молодежь до 30 лет (соответственно 36 и 13%), жители Москвы и Петербурга (34 и 19%), руководители (34 и 16%). Именно в этих группах больше всего тех, кто к вторичной занятости относится активно — не только как к способу удержать или увеличить уровень доходов, но и как к возможности повысить, во всяком случае изменить свой трудовой или даже социальный статус⁴⁹.

Снова и снова оговоримся, что рост интенсивности трудовых перемещений создает немалые материальные и психологические сложности для народного большинства, особенно когда это большинство еще только привыкает к новому уровню трудовой подвижности, а смена работы в каждом конкретном случае вызывается неудовлетворенностью оплаты и условиями труда на старом месте чаще, чем привлекательными сторонами нового труда. Большая подвижность в подобных условиях ощущается как потеря социальной комфортности, привычной уверенности в устойчивой, стабильной трудовой позиции. Однако такое снижение стабильности ведет не только к ухудшению жизни работников (хотя и к ухудшению тоже). В еще большей мере можно утверждать, что потеря характерного для госсотциализма постоянства трудовых позиций есть движение к выходу из застойной неподвижности государственно регулируемого труда, шаг по пути перехода от «дурной» стабильности к здоровой трудовой мобильности⁵⁰.